

Калдовские

Миры

МЕРТВЫЕ ИГРЫ

Книга вторая

О МАГАХ-ОТСТУПНИКАХ
И ТАИНСТВЕННЫХ РИТУАЛАХ

ЕЛЕНА ЗВЕЗДНАЯ

Annotation

Королевские Мертвые Игры все ближе, командные тренировки все жестче, попытки убрать «сильное звено» все изощреннее. И главная причина — предстоящая схватка призванного принца и истинного наследника трона, которая может изменить судьбу королевства. Адептка Риа Каро задумывает создать артефакты высшей защиты, способные сделать команду Некроса сильнее и выносливее. Но, заботясь о других, сама оказывается один на один против... страсти, которая вдруг охватывает сердце лорда Гаэр-аша, главы Некроса. А сильнейший некромант королевства не потерпит отказа и готов действовать жестко и даже жестоко для достижения своей цели.

Пойдет ли он до конца, несмотря на приказ короля и решение рода?

Елена Звездная

О магах-отступниках и таинственных ритуалах

© Звездная Е., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Глава первая. Полевая практика

Профессор Керон мрачно обвел всех нас взглядом голодного василиска, и в очередной раз мы вспомнили о пропущенном обеде.

— Сейчас будет зверствовать, — прошептал Рик, за спиной которого я находилась, как представитель второго состава.

— Почему? — дрожащим шепотом спросила я.

Нет, Рику, конечно, хуже, он в первом составе, но и мне во втором страшно было, и даже Морву в третьем, который за моей спиной стоял. Лучше всех себя исключительно четвертый состав ощущал, они надеялись дожить до обеда без телесных повреждений, а мы уже ни на что не надеялись.

— Потому что, — Рик тяжело вздохнул, — у Керона когда глюкоза падает, он слетает с катушек... а с обедом, сама понимаешь, пролет случился.

Я понимала. Все понимали. Всем было страшно... ну кроме четвертого состава и собственно трех десятков орков. Уже давно мертвых, ага, но при этом очень злых, что вовсе не удивительно — их за эту неделю уже раз семь упокоивали, штопали и снова поднимали — Керон навыки фехтования шлифовал. И главное, у всех групп все проходило идеально, и только на нас орки неожиданно заглянули и вместо того, чтобы вести себя как обыкновенная оголодавшая нежить, принялись... Да издеваться они принялись! Дуэль нам устроили. По шесть индивидов выходили, кивок головами и издевательское приглашение на бой. И вот лично у нас после такого одно желание появилось — мотать, благо пара к концу подходила, но Керон уперся рогом! Его основательно на чести Некроса цепануло, от чего нас бодро поделили на четыре состава и поставили в строй на радость оркам. Те реально знатно продлили себе загробную жизнь, ибо смех он же жизнь продлевает, а орки, глядя на нас, не просто ржали, они ухохатывались, били себя по коленкам, падали наземь и кулаками громыхали по ней и да — продолжали ржать.

И повод у них имелся, потому что призовой, в смысле главный, состав, то есть любимчиков Керона, орки благополучно отправили в полет. И когда некроласточки пролетели над нашими неровными рядами, нам стало не до смеха — Керон впал в бешенство, а орки гоготали самым бессовестным образом. И без разницы, что смех у нежити почти беззвучный — нам все было понятно.

— Первый состав, начали! — заорал профессор.

Рик гулко сглотнул и шагнул вперед, держа меч одной рукой. Он одной — остальные двумя, ибо тяжелый, а мы всего-то второй курс. Орки поднялись, отряхнули истлевшие штаны, хрустнули разминаемыми шеями, похрустели и пальцами могучих лап.

Оскалились!

Из первого состава величиной в семь некрмантов одновременно выбыло трое.

На рев Керона один из потерявших сознание робко заметил: «Правилами Некроса обмороки не запрещены». Зря сказал — в тот же миг весь второй состав выбыл из соревнований подчистую, ну кроме меня, чем заставил и четвертый нехило задуматься о своем ближайшем будущем.

— Отставить! — взревел профессор.

Четвертый состав выбыл. Весь поголовно. Им вообще было лучше всех, о чем они нам в открытую и заявили, мол, мы все равно успеем убежать, пока они вас есть будут. Тьма, и ведь

правы же. Я, кстати, тоже бы с удовольствием в обморок упала, но за Рика было очень переживательно, и потому я бдела.

— Риа, а Риа, — стоящий позади меня Морв нервно за руку дернул, — а ты чего делать будешь?

— По обстоятельствам, — буркнула я, глядя, как на Рика надвигаются сразу три орка.

И главное — никакой этики ведения боя! Куда только у них совесть смотрит и у нас Керон?

А никуда, и потому к Рику в нагрузку к трем умертвиям, поигрывая дубиной, двинулось четвертое.

— Профессор, — не выдержала я, — а может, уже можно магию приме...

— Молчать! — заорали на меня так, что не то, что адепты, орки дрогнули. — Я! Сказал! Фехтование!!!

Вот, Тьма!

— ЫЫЫ, — завыл кто-то.

— Каро, заткнись! — рывкнули мне из третьего состава.

Они в обморок не падали, нет, они все дружно ждали, пока Керон второй состав, то есть одну-единственную оставшуюся маленькую меня, в бой отправит. Фехтовать! А то, что я стальную махину ни одной рукой, ни двумя, ни даже в обхват не удерживаю и мне вообще меч дотащить Рик помог, это так, мелочь несущественная.

— К бою! — скомандовал Керон.

Четверо оставшихся из первого состава разом вскинули мечи, трое симулянтов обморочного состояния остороженько, но вполне себе даже бодренько поползли прочь. Итог — не участвующие в стычке орки ухохатываются, участвующие просто ржут и жесты неприличные адептам демонстрируют, Керон в бешенстве. В общем, тут в чем дело — ректор на орков наложил магическое плетение, не позволяющее наносить тяжкие телесные повреждения адептам, а про психологические травмы в плетении не было ни намека, так что нежить изгалялась по полной программе, откровенно посрамив всеобщее убеждение, что «главное — выжить».

Побоище началось с Ераша. Двухметрового адепта, поднырнув под рубящий удар меча, двух с половиной метровый орк перехватил поперек туловища, обнял покрепче, отобрал меч, словно конфетку у ребенка, отшлепал орущего адепта и, раскрутив, швырнул вслед уползающим симулянтам.

Керон побагровел. И вовсе не от возмущения по поводу пострадавшего самоуважения адепта, вовсе нет, суть возмущения крылась в ином:

— Фехтовальщики, мать вашу Тьме Всемогущей! — возопил профессор, оскорбленный тем, как легко орк увернулся от разящего удара некроманта.

И вот тут в бой вступил Рик. Причем сам, не дожидаясь нападения орка. Парень перехватил меч двумя руками и взвился вверх. По рядам и симулянтов, и оставшихся прошелестел вздох восхищения, они вообще были шокированы, а я лично такое уже видела — Эдвин демонстрировал. И вот по сравнению с носатым, Рик двигался не так стремительно, но примерно так же эффективно — голова ближайшего орка покатила по снегу, рука с дубиной второго свалилась следом. Рик, завершив маневр, приземлился, упав на одно колено, но удержав и позицию, и удар третьего орка дубиной сверху принял собственно на острие меча. Меч выдержал — дубина раскололась надвое.

— Во-о-от! — воодушевленно заорал Керон. — Вот как надо!

Не знаю, чем он воодушевился, но Рику приходилось туго — к двум оставшимся его противникам присоединились еще двое, и теперь подскочившего и неистово отбивающегося некроманта вновь теснили четверо. И игратья нежить более была не намерена — удар кулаком, и адепта снесло шагов на пять.

— Ри-и-ик! — заорала перепуганная я. — Рик, держись, я иду!

И схватив свой двуручник за рукоять, я бегом поволокла его в сторону сражения.

Грянул хохот! На этот раз вполне даже отчетливо слышный, потому что ухохатывались теперь совсем не орки, те просто оторопели, а как раз таки некроманты. Причем и активно симулирующие обмороки.

— Каро, хоть ты не позорься! — заорал Керон.

Хмуρο глянув на профессора, я бросила меч, огляделась в поисках подручных средств ведения боя, ничего не обнаружила! Схватив снег от злости, потому как потешаться надо мной продолжали, слепила снежок и запустила в орка, который на данный момент, схватив меч Рика обеими руками, пытался его отобрать. Снежный снаряд, описав дугу, попал прямо в левый глаз нежити. Орк дернулся, невольно выпустил меч из захвата и одним плавным движением некроманта, был лишен головы. Осталось трое.

— Риа, спасибо, — крикнул Рик, и мне сразу стало все равно, кто там и как угорает со смеху.

Я схватила еще горсть снега и принялась лепить следующий снежок, выжидая момент, когда его нужно будет использовать. Дождалась — орки, перестав играть, начали бой на поражение, и теперь двое теснили Рика, третий заходил сзади. Третьему и досталось! Орк, получив снежком в лоб, отступил на шаг, взревел и бросился на меня. Рик, пользуясь заминкой своих давно почивших противников, левому отрубил голову и теперь схватился один на один с оставшимся. А у меня был нелегкий выбор — обморок, меч или бег по лесу. Проще всего было упасть в обморок — скованные заклятием ректора орки лежачих не били, сложнее всего — взять меч, тяжелый очень, но в этом случае был шанс на спасение, однако я, почему-то, с диким визгом бросилась прочь от стремительно надвигающегося на меня зеленого монстра. Орк за мной!

Знала бы я, к чему этот бег приведет — свалилась бы в обморок!

Но ведь не знала. И визжа на весь полный мертвой нежити лес, я помчалась прочь от догоняющего орка с единственной мыслью — за ограду Некроса он не пройдет! И главное — бежать недалеко! Всего метров двести! Вот только сейчас завернуть за черный валун, здоровенной махиной возвышающийся даже над верхушками вековых сосен, там тропка над обрывом, куда я в прошлый раз свалилась и где Гобби нашла, а рядышком совсем и вход на территорию академии, так что...

— Гррр! — зарычал зомби, делая какой-то невообразимый, вообще противоречащий его природе бросок, и фактически настигая меня.

— Мама! — заорала я, отпрыгивая в сторону.

Упала, подскочила, даже не почувствовав боли, и побежала, огибая валун, уже не разбирая дороги. Потому что орк оттолкнувшись от дерева обеими ногами, словно лягуха двухметровая, рванул на меня...

С диким воплем я свернула и на всей скорости влетела в самым невероятным образом оказавшегося на дороге некроманта! Ударилась! Больно так.

Треск заклинания. Грохот упавшего тела.

Стремительно обернувшись, увидела лежащего на снегу орка. Судя по тому, как

неестественно были вывернуты его конечности — кто-то вторгся в заклинание подчинения нежити и модифицировал его, а вот судя по тому, как погас взгляд зомби — восстать он уже никогда не сможет.

И тут надо мной прозвучало:

— Трупов, адептка Каро.

— Ой, не надо, и так хватает, — выдохнула перепуганная я и вдруг осознала, с кем разговариваю.

Осторожно подняла голову, увидела каменное выражение лица ректора и, уже понимая, что мне сейчас влетит, тихо пробормотала:

— Трупов, лорд Гаэр-аш.

Ректор не ответил, осторожно взял за плечи, отстранил от себя, обошел меня по дуге, приблизился к лежащему на снегу умертвию. Я тоже подошла поближе и теперь в немом потрясении смотрела на нежить. Это был не орк. Точнее, может быть, когда-то и орк, но не сейчас — суставы неестественно выгнуты, как у оборотня в момент перекидывания, словно в незавершенной фазе. Орк-оборотень?

— Лорд Гаэр-аш, — шепотом позвала я, — это что, новый вид нежити?

Вместо ответа ректор задал вопрос:

— Где остальная группа?

— Урок фехтования, — с готовностью сообщила я.

— Вот как. — Глава Некроса повернулся. — А почему вы находитесь не с группой?

Я растерянно взглянула на ректора и попыталась все объяснить:

— Понимаете, — дышала я все еще очень тяжело, после такой-то гонки на выживание, — у меня на редкость плохая физическая подготовка...

— Понятно, — насмешливо перебил меня ректор, сжимая свой черный кулон, — и вы решили ее улучшить путем пробежки?

Резко выдохнув, я несколько секунд смотрела на лорда, а вот после:

— Не поможет! — призналась откровенно и честно.

— Рад, что вы это осознаете, — усмехнулся Гаэр-аш.

Скрип снега. Едва слышный, но я обернулась. Из-за валуна к нам подошли два некроманта из королевской службы дознания — в черном с головы до ног, и даже лица скрыты под капюшонами.

— Кансар, проводите адептку Каро, — не оборачиваясь и продолжая разглядывать меня, произнес ректор.

Некромант поклонился и жестом приказал мне следовать за собой. Я же изумленно смотрела на ректора.

— Идите, адептка, — улыбнулись мне.

Пришлось идти, но не успела я сделать и двух шагов, как второй из службы дознания, хриплым срывающимся голосом спросил:

— Это измененная нежить? Это...

— Нет, вам показалось, — насмешливо оборвал его лорд Гаэр-аш. — Каро, я приказал вернуться в Некрос.

Пришлось уйти.

Не то, чтобы быстро, но как бы медленно я ни шла, ничего услышать уже не получилось. Дознаватель довел меня до входа в Некрос, постоял, дожидаясь, пока я отойду шагов на пятьдесят, после чего растворился в мертвом лесу. А я остановилась. Нет, возвращаться назад

не планировала, просто остановилась, решив подождать Рика здесь, потому что без него идти в учебный корпус не хотелось совершенно.

И вот я стою, вглядываясь в лес, и вдруг чьи-то ладони по-хозяйски скользнули на талию, после чего меня рывком прижали к по-мужски твердой груди.

И тишина. Я едва дышу, перепугалась все же, и он — молчит. Но, учитывая насколько собственнически меня приобняли, установить наглую личность сложности не составило.

— Норт, — прошипела я.

— Мм-м? — отозвался некромант.

— Норт, я испугалась! — не стала скрывать собственное состояние.

— Я такой страшный? — игриво поинтересовался он, сжимая сильнее.

— Норт!

— Не шипи. — Он устроил голову на моем плече, и прошептал у самого уха: — Отец здесь, будь хорошей девочкой. В смысле изобрази хорошую и влюбленную.

И не дав мне ни опомниться, ни ответить, Норт галантно развернул лицом к подходящим некромантам из службы дознания, произнес:

— Ну раз уж произошла столь неожиданная встреча, отец, позволь представить тебе леди Риаллин кен Эриар. Риа, дорогая, мой отец Ингормаш Дастел Веридан.

Лучше бы я упала в обморок там, в лесу, и пусть бы все ухаживались, чем... это. От четырех темных фигур отделилась одна, и к нам величественно направился некромант в черном плаще с капюшоном, так что лицо Дастела-старшего я увидела лишь когда лорд приблизился и, сверкнув многочисленными перстнями, снял капюшон.

Черные, глубоко посаженные глаза цепко оглядели меня с головы до ног, в то время как я с нескрываемым изумлением разглядывала... Норта, только постарше так лет на тридцать, а в остальном это было аристократически тонкое лицо Дастела. Разве что челка не косая, а уложенные волнами от прямого пробора волосы да небритость отличали старшего лорда Веридана от сына. Осторожно скосила взгляд на стоящего рядом и демонстративно-довольного Норта, вновь взглянула на его отца — ну одно лицо!

— Вас столь удивило семейное сходство? — задал неожиданный вопрос лорд Дастел Веридан.

Кивнула. Затем, вспомнив о правилах вежливости, присела в реверансе и, поднявшись, произнесла требуемое:

— Знакомство с вами честь для меня, лорд Дастел Веридан.

Мне улыбнулись, отвесили столь же светский поклон, после чего произнесли:

— Так же как и для меня, леди кен Эриар. Искренне рад познакомиться с дочерью человека, спасшего мне жизнь.

Широко распахнув глаза, я потрясенно посмотрела на некроманта. Лорд по-отечески улыбнулся, чуть склонил голову к левому плечу и задал прямой вопрос:

— Вам не рассказывали о подвигах вашего отца, леди кен Эриар?

Отрицательно покачала головой. Лорд Дастел Веридан улыбнулся чуть шире и произнес:

— Я обязательно восполню данный пробел в ваших знаниях, леди Риаллин, и полагаю, в самое ближайшее время. — Он перевел взгляд на Норта, и спросил: — Ты уже сообщил невесте о приглашении?

— Конечно, — внаглую соврал Дастел. — И Риа любезно согласилась провести следующие выходные в нашем родовом замке.

Немедленно повернулась к Нарту. Я вообще ни на что не соглашалась! Я... Дастел

глянул на меня, широко ухмыльнулся и промурлыкал:

— Понимаю, дорогая, ты хотела сказать это сама, но зная, как ты застенчива, я...

— Дорогой, — я мило улыбалась, а мой голос упал до шепота, который стоящий в двух шагах от нас лорд Дастел-старший по идее не должен был слышать, — какие поездки?

— Дорогая, — Норт также улыбался самым очаровательным образом, — я попозже выслушаю твое безоговорочное согласие.

На этом мое терпение кончилось. Но все так же с улыбкой, я прошипела:

— Дорогой, в условия нашего договора...

Пресек беседу веселый голос Дастела-старшего:

— Вообще-то, я все слышу.

Я покраснела. Норт даже улыбаться не перестал, только глаза сузились и взгляд стал недобрый.

— Да, любопытные отношения, — протянул лорд Дастел Веридан.

На лице Норта ни один мускул не дрогнул. А я продолжала краснеть.

— Что ж, не буду вам мешать. Леди кен Эриар, было очень приятно с вами познакомиться.

Я ответила реверансом, а после молча проследила за тем, как, накидывая капюшон, лорд покинул нас. Но только когда он отошел к своим, Норт соизволил произнести:

— Не смешно, Риа.

Даже не стала возражать. Действительно совсем не смешно было.

— Я неделю назад говорил о поездке к родителям.

— Я неделю назад сказала — нет! — решительно напомнила некроманту.

Глядя мне в глаза, Норт сжал зубы, на скулах в бешеном ритме задвигались желваки, взгляд полыхнул фиолетовым огнем. Неделю назад я стусевалась бы и вообще отступила, но за эту прошедшую со спасения Культяпки неделю Дастел меня достал!

— Нет, нет и еще раз нет! — уверенно сказала я. — Никаких поездок к твоим родителям, никаких поцелуев, никаких объятий и предложений полежать рядом с тобой на постели!

Теперь глаза Норта не полыхали — светились фиолетовым светом.

— Нет! — повторила я.

Дастел отвел взгляд. Долго смотрел на небо, после куда-то в лес, затем тихо спросил:

— Во сколько сегодня за тобой зайти?

Мгновенно прекратив возмущаться, я тихонечко попросила:

— В одиннадцать.

— Почему так поздно? — все также глядя вверх деревьев, поинтересовался Норт.

Потому что мы с Риком хотим провести один запрещенный ритуал в склепе, а после исследовать новый путь в сердце Некроса, и я не уверена что успею вернуться к десяти...

— Очень много уроков, — с тихим вздохом нагло соврала я.

Учусь у некромантов.

— Риа, — Норт посмотрел на меня, — ты слишком усердно занимаешься. Я же сказал — по успеваемости тебя прикрою.

— Спасибо, — мило улыбаюсь, — но сегодня в одиннадцать.

Кивнул. Нехотя, но кивнул.

А в следующее мгновение я улыбнулась искренне и очень радостно — из леса шел Рик, неся свой и мой мечи заодно, и он весело мне подмигнул, едва наши взгляды встретились.

— Ты победил? — воскликнула я, поспешив к нему навстречу.

— Ага! — крикнул мне парень. — Это было несложно, после твоей помощи! Как ты их здорово!

Только дойдя до ограды, я поняла, что совершенно забыла с Нортм попроситься. Не то чтобы совесть мучила, просто Дастел требовал, чтобы прилюдно я четко отыгрывала трепетные прощания. Оглянулась — Норта на дорожке уже не было. Вот и замечательно, значит, и ему не до прощаний.

— Куртку возьми, — попросил Рик, роняя сверток, который под мышкой удерживал.

Поймала, но глянув на него, с сомнением спросила:

— Может, оденешься?

— Жарко, — отмахнулся парень и пошел вперед, весело насвистывая что-то победное.

Жарко ему точно было — весь раскрасневшийся, вспотевший, да еще и мечи, которые он нес, перебросив на плечи так, что за его спиной лезвия скрещивались.

— Керон взбесился, — начал рассказывать некромант, едва я приноровилась идти рядом. — Меня отправил в аудиторию, а остальных гоняет сейчас.

Несмотря на легкость и даже некоторую небрежность в походке, я поняла, что Рик устал и сильно. И непонятно зачем вообще тогда пришел, нам давали время на отдых.

— А почему там не посидел?

— Нужно же было узнать, куда ты умчалась, — укоризненный взгляд на меня. — Давай больше так не делать, идет? Вместе начали бой, вместе закончили. Никаких побегов.

— Извини, — прошептала я. — Просто испугалась очень.

— А я, по-твоему, нет? — возмутился Рик.

— Извини, — совсем виновато ответила я.

— Спасибо, что подождала у входа, — улыбнулся некромант. — Да ладно, я вообще злиться перестал, как тебя увидел. Главное, что все хорошо. Просто не понравился мне этот рванувший за тобой орк, как-то... излишне стремительно он двигался, что ли.

И я остановилась. Рик тоже остановился, вопросительно глядя на меня, а я...

— Рик, ты про измененную нежить что-нибудь знаешь?

— Тьма! — тихо выругался парень. Затем шепотом спросил: — То есть мне не показалось, да?

Пожала плечами в ответ.

— Ладно, пошли отсюда, — решил Рик, — вечером поговорим.

Мы молча миновали дорожку, трижды вынужденные сходить в снег и пропускать некромантов-дознавателей — Некрос просто кишел ими. С тех памятных событий, когда мы столкнулись с восставшей нежитью и восстановили Культяпку, прошла неделя. Академия некромантии за истекший срок преобразилась — возникло два дополнительных одноэтажных корпуса — прибывшим некромантам надо же было где-то жить. Появился стационарный портал в столицу — вообще подобные огненные ходы используются только сильнейшими темными лордами, но, как известно, в жилах нашего умирающего короля имелась толика огненной крови, и в критических ситуациях он создавал для подданных стационарные порталы. А вот почему ситуацию в Некросе признали критической, никто из нас, адептов, так и не понял. Точнее, мы четверо — я, Норт, Эдвин и Дан догадывались — кто-то поднял древние захоронения, а вот остальные адепты были не в курсе. Официально дирекция сообщила — в мертвом лесу был обнаружен лич, а неофициально слухи ходили самые разные. И слухов стало больше, когда четыре дня назад некроманты начали зачистку,

уничтожая все живое и неживое в пределах тысячи шагов вокруг академии. Так что, отправляясь в лес сегодня, мы никого кроме подчиненных ректором орков увидеть и не предполагали, а вот то, что и эти подчиненные зомби какие-то странные — неприятная неожиданность.

Когда пришлось в пятый раз отступить в снег, пропуская группку окутанных темным сиянием фигур, Рик тихо выругался и, едва мы вернулись на дорожку, прошипел:

— Да что там такое?

— Ректор, — тихо ответила я.

— Его видел, — тоже едва слышно произнес Рик. — Он упокоил того орка, что за тобой погнался. Но вот чего все дознаватели так рванули?

Молча пожала плечами. Ситуация вообще складывалась странная и неприятная, поговаривали, что нас, возможно, даже переведут в столицу. Но это так, разговоры, а чтобы никто под ногами у дознавателей не крутился, грузили по полной программе, прогоняя по спецкурсам и доп. предметам, и, если бы не Гобби, я бы не справилась.

Едва свернули на дорогу между полигонами, к нам вышел Культяпка. Орк печально посмотрел на меня, потом на Рика, протянул огромную руку и забрал оба меча у некроманта.

— Спасибо, дружище, — искренне поблагодарил Рик.

— Ё, — ответил орк.

Я подошла ближе, осторожно погладила умертвие по спине — парням было как-то без разницы, что Культяпка больше не мог говорить, оказалось, что он не особо и беседовал с Эдвином, но мне каждый раз, как слышала его невнятное мычание, хотелось плакать.

— Да не расстраивайся ты, восстановим, — заверил меня Рик, приобнимая за плечи и ведя к учебному корпусу.

— Эдвин не даст, — прошептала я. — До Мертвых игр он запретил прикасаться к Культяпке.

Орк, шагающий позади нас, издал тяжелый протяжный вздох. Последнее время он постоянно порывался мне что-то сказать, садился, размахивал рукой и культей, что-то объяснял, а мы понять не могли. Ни я, ни Гобби, ни Пауль, ни даже Рик с саламандрой. И вот Гобби, он если что написать мог, а орк не умел писать и читать, совсем не умел. Правда, это не значило, что мы не пытались его научить, и теперь по вечерам Культяпка провожал меня от учебных корпусов до общежития, вежливо кивал куратору Тейше и шел ко мне в комнату, суровым видом ужасая всех адептов. А там, пока Гобби и Пауль ходили пугать местное население, мы с орком учили алфавит. Просто Гобби с Культяпкой как-то вот совсем не находили общего языка, но и из меня учитель был никакой — за неделю орк выучил всего три гласные буквы. Гобби мне объяснил, что у орков совершенно иная письменность, и я даром время трачу, но, несмотря на его гневные письма, мы с Культяпкой все равно продолжали заниматься.

— Я возле тебя Дастела видел, — сменил тему Рик. — Чего опять глазастый требовал?

Скривившись, ответила:

— Знакомил с отцом и сообщил о намерении через неделю представить остальным родственникам.

Рик остановился, хмуро глянул на меня, тяжело вздохнул. Полностью скопировала его вздох.

— Может, все же сходишь к ректору? — спросил некромант.

— И что мне ему сказать? — раздраженно поинтересовалась я. — Правду, полуправду

или кусочек правды?!

На мое возмущение Рик ответил тихим:

— Факты. Например, можешь озвучить тот факт, что Дастел вынудил тебя заключить помолвку, а сейчас распускает руки.

Передернув плечами, молча пошла вперед. Рик догнал мгновенно, заступил дорогу и, наклонившись ко мне, произнес:

— Как ты думаешь, чем все закончится в родовом замке Дастел Веридан, Риа? Или искренне веришь, что Норт проявит воспитание и учтиво удалится почивать в отдельную спальню?

Молча обошла Рика и решительно зашагала по дороге, стараясь прислушиваться исключительно к скрипящему под ногами снегу.

Вслед мне прозвучало взбешенное:

— Риа!

Остановилась. Некромант догнал, снова встал передо мной, осторожно взял за подбородок, вынуждая взглянуть ему в лицо, и хрипло зашептал:

— Неужели ты не видишь, как он смотрит на тебя, Риа?! Ты бы хоть раз оглянулась, когда уходишь. Это уже не любовь, Риа, это страсть. Норт с ума по тебе сходит. Он невменяемый, серьезно. И эти твои хождения к нему по ночам...

— Рик! Занимаюсь я у него! Занимаюсь, понимаешь? Мне головы от книг поднять некогда! — чуть не закричала я.

— Понимаю. — Парень отпустил мое лицо и словно сторбился. — Понимаю. Только, Риа, прекращай все это.

— А Гобби?! — прямо спросила я.

Убойный аргумент подействовал. Рик отступил, и мы зашагали по дороге мимо ангаров с нечистью. Из ангаров слышалось рычание, вой, скрежет — ректор часть нежити из лесу попросту загнал на территорию Некроса и запер, потому что учебный материал некромантам нужен как ни крути, а по лесам дознаватели бегают.

— Сегодня до сколько свободна? — Рик забрал у меня куртку.

— До одиннадцати, — грустно ответила, думая о Норте.

Сначала мы зашли в оружейную, сдали взятые под расписку мечи. Коренастый пожилой мэтр Олар опасно принял оружие, протянутое Культяпкой, недовольно глянул на нас, но возмущаться не стал — некромантам в Некросе не запрещено пользоваться помощью умертвий, так что все в пределах допустимого. Расписавшись в ведомости, отпустили орка и уже вдвоем отправились в учебный корпус.

Но не дошли шагов сорок, как из-за поворота показался Эдвин, и решительно двинулся к нам. Рик остановился, едва увидел носатого, а я лично ни тормозить, ни разговаривать с ним не собиралась, и потому, едва некромант остановился передо мной, плавно обошла, планируя вернуться в аудиторию и почитать перед следующей лекцией.

Не вышло. Эдвин ухватил за запястье, рванул на себя, чуть ли не заставив уткнуться ему в грудь носом, и прошипел:

— Тебе что, жить надоело?

Едва не зашипев от боли, попыталась вырвать запястье из некромантского захвата, но носатый даже не пошевелился.

— Харн, отпусти ее. — Рика такое отношение ко мне тоже злило.

— Заткнись, выродок! — рыкнул на него Эдвин, но захват ослабил и, склонившись надо

мною, прошипел: — Я запретил высовывать нос из Некроса. Запретил категорично и четко. И с Кероном вопрос согласовал сам, лично, утром. За какой Тьмой ты...

У меня две няньки. Некро-няньки. Согласовывать свои перемещения я, по их мнению, должна с обоими. Утром к Керону подошел сначала Норт, переговорил, вся группа понимающе покивала, насмешливо глядя на меня, но после пришел Эдвин. Взял профессора за локоток, отвел в сторонку, переговорил. После чего Керон и заявил, что я остаюсь в аудитории поливать цветочки и вышивать крестиком, а вся группа идет заниматься фехтованием. Так стоит ли удивляться, что я тоже пошла со всеми?!

Но говорить об этом Эдвину смысла не было — он пока не успокоится, что-либо адекватно воспринимать не способен. Так что я молча подождала, пока парень не разжал пальцы, после чего, растирая запястье, осуждающе посмотрела на некроманта.

— Прости, сорвался, — без какого-либо раскаяния произнес носатый.

— Я заметила. Извини, лекция скоро начнется.

И уже беспрепятственно обойдя Эдвина, направилась в учебный корпус. Рик догнал и зашагал рядом.

А вот в аудитории меня ждал сюрприз — огромный, совершенно несуразный букет красных роз, перевитый белой лентой. И к букету имелось послание, с которого уже давно сорвали печать и прочитали двенадцать раз. Откуда я знаю? Число прочитываний фиксировалось самой печатью, и отправлялось собственно отправителю, как отчет о том, сколько раз адресат прочел любовное послание. А теперь самое неприятное — и Норт, и Эдвин более чем лояльно относились к моему новообретенному поклоннику, сами читали послания, и по многу раз, наслаждаясь тем, как увеличиваются цифры. И почему-то к этой игре с радостью присоединились и мои одноклассники, включая Рика.

— О, очередное письмецо. — Некромант прошел через всю аудиторию, схватил свиток. — Почитаем.

Прочел, закрыл. Открыл снова:

— Еще почитаем.

И меня лично уже не удивляло, что некромант, который якобы спас меня от чудовища в комнате Норта, искренне верит в мои к нему пламенные чувства. А что еще думать парню, если он четко знает, что каждое его послание перечитывается раз по сто.

— И еще разок, — возвестил Рик. — Кстати, а ты прочитать не хочешь?

— Нет, — устало сказала я, садясь на свое место, — мне вечером Норт обязательно вслух прочитает... раза два-три-четыре.

— Да? — удивился Рик. — И даже такое: «Время придет, и Дастел падет, путь открывая истинным чувствам. Жди меня, жди, вместе нам быть, на зависть поэтам и стихоискусствам»?

— И такое читает. — Я тяжело вздохнула. — А потом они с Даном изгаляются над грамотностью и пополняют свой «Словарь влюбленного идиота».

— Весело. — Рик свернул свиток. — А ты с парнем говорить не пробовала?

— Пробовала, — тихо простонала я. — Он же у Норта почетный часовой теперь, постоянно под дверью стоит.

— И... не внял? — переспросил некромант.

— Нет, — хмуро глянула на розы, — он искренне убежден, что я это ему говорю исключительно заботы ради, чтобы Норт не прибил.

— Или глава Дома Мечей, — задумчиво добавил Рик.

— Да, или Эдвин, — угрюмо согласилась я.

И несмотря на то что Эдвин на меня никаких прав типа фиктивной помолвки не имел, говорить ему что-либо я не собиралась, потому что некромант был тем единственным, кто каждый вечер неизменно появлялся у Норта и не уходил до тех пор, пока не уходила я.

— Я за учебник, — сообщила Рику, открывая «Темные ритуалы».

Сложный предмет, на грани запрещенного законом и крайне опасный. Вести его должен был ректор, но в связи с обстановкой его заменял профессор Альдей, который не столько рассказывал, сколько гонял по параграфам и заставлял пересказывать прочитанное. На сегодня было задано сразу два параграфа, и вот как раз второй, по восстаниям ДемЭгра, немного не дочитала, времени не хватило. Так что устроившись поудобнее и закинув ноги на стол, наполовину занятый букетом, я принялась читать. Рик устроился рядом, тоже взявшись за учебник.

Спустя некоторое время начала возвращаться наша побитая событиями и обстоятельствами группа, и адепты, занимая свои места, молчаливо принимались читать заданное. Да, времени тут не хватало всем. Когда прозвенел звонок, никто даже не пошевелился — профессор Альдей всегда минут на пятнадцать опаздывал, так что все продолжили читать — кто сидя на столе, кто устроившись на подоконниках, кто оккупировав преподавательскую кафедру, а кто и следуя моему пагубному примеру закидывал ноги на стол и в полулежачем положении покачивался на стуле.

А все дело в том, что никто, вот совершенно никто не ожидал, что едва стихнет звонок, дверь распахнется и в аудиторию стремительной легкой походкой войдет сам лорд Гаэр-аш!

Его просто никто не ждал! И примерно с секунду все потрясенно смотрели на ректора. Лорд остановился, обвел взглядом распоясавшуюся аудиторию и произнес:

— Трупов, адепты.

Ответом ему стал грохот! Я свалилась одной из первых, Рик каким-то образом удержался, но, по сути, почти половина всей группы рухнула на пол. Поднимались быстро, молча, не глядя на ректора и вообще ни на кого не глядя. Но когда я, пунцовая, как и все свалившиеся, торопливо встала возле парты, то нечаянно задела розы, и те с шорохом и хрустом повалились на пол.

Сделав вид, что букет не мой и вообще я эти розы впервые вижу, невозмутимо села на свое место, разгладила складки на платье, сложила руки на столе и только после этого подняла голову, чтобы продемонстрировать преподавателю полагающееся внимание.

Напрасно. Вот лучше бы мне этого холодно-презрительно-порицающего взгляда не видеть вовсе. Потому что ректор смотрел именно так — с холодным презрением. Несколько секунд потрясенно пыталась понять, за что мне такая немилость, но затем в аудитории послышались смешки, причем указывали некроманты куда-то вниз. Поднявшись, перегнулась через парту и тоже посмотрела — поверх роз упало письмо от моего настырного поклонника, причем упало так, что открылось, и теперь всем было отчетливо видно его содержимое:

«Комната 478. Жду тебя сегодня, моя страстная богиня, на рассвете, как только выйдешь от Дастела».

И в углу всего этого безобразия сверкающая надпись: «Прочитано двадцать четыре раза».

У меня внутри все похолодело. Совершенно красная, я вышла из-за стола, рваным движением подняла письмо и вернулась на свое место. Хотелось плакать. Стыдно было так,

что глаз не поднять, а все в группе попросту ухохатывались. И перед ними мне стыдно не было — до собственной комнаты утративший связь с реальностью адепт приглашал меня в склеп, на могилу Огра, под валун, под лестницу, и даже под двери кабинета ректора, дабы было веселее. Но проблема в том, что сам лорд Гаэр-аш всей предыстории не знал и...

— Извините, — едва слышно произнесла я.

Мне не ответили. Ректор развернулся, направился к преподавательской кафедре и хмуро приказал:

— Приготовиться к лекции.

Смешки мгновенно стихли. Зашуршали тетради, закрипели перья, все приготовились слушать и записывать.

— Ритуал вселения духа «Акшаратас», — четко продиктовал лорд Гаэр-аш.

Я записала, как и все, вот только сомневаюсь, что у всех как у меня строчки расплывались перед глазами, а рядом с записью шлепнулась капелька воды, грозя превратиться в кляксу. Торопливо вытерла, постаралась не думать о случившемся и сосредоточиться на лекции.

Получалось плохо. Совсем плохо.

Ровно до слов ректора:

— Медная пыль один из самых устойчивых проводников и потому нередко используется в ритуалах насильственного вселения.

Холодная изморозь ледяными узорами пробежалась по спине, и только тогда я поняла, что больше не пишу, а пальцы сжимают перо с фатальной для писчего предмета силой.

Медная пыль!

Мне это словосочетание запомнилось сладковатым привкусом во рту, а впоследствии головной болью, невероятной слабостью и всем набором симптомов, характерных для простуды, разве что живот болел очень сильно, особенно если надавить. Именно так, случайно надавив на живот, когда укладывал меня на постель, дядя Тадор и понял страшное — я нарушила запрет и игралась со сверкающим порошком из трех закрытых банок, к которым мне было категорически запрещено приближаться. Так что лечил он меня вовсе не от простуды, а от отравления медью, игнорируя и тогда и в дальнейшем вопросы на тему, для чего ему нужен такой красивый, но очень опасный порошок. Я просто никак не могла понять подобной несправедливости — почему мне трогать медную пыль было нельзя, а все новые слуги дяди непременно были ею испачканы.

— Риа, — прошептал Рик, толкая меня локтем в бок, — отомри.

Я кивнула, поняла, что со своим внеплановым погружением в воспоминания перестала писать под диктовку, глянула в тетрадь некроманта, отступила, оставив пустое место, чтобы потом переписать, и продолжила. И напрасно, потому что лорд Гаэр-аш скомандовал:

— Теперь отложили перья и слушаем внимательно.

Уверена, в этот миг все адепты жадно внимали каждому слову, и только я головы не подняла, но слушала крайне, крайне внимательно.

— «Акшаратас» — один из базовых ритуалов отступников, ритуалов, которые те используют... никогда не догадаетесь — в быту.

По группе прошелся удивленный ропот, прекратившийся, едва ректор продолжил.

— Как вам известно, маги-отступники способны жить от трехсот до четырехсот пятидесяти лет. Возможно и больше, но так как случаев более длительной продолжительности жизни зафиксировано не было, не стану и я делать голословные

заявления. Так вот — долгая жизнь имеет свои плюсы и минусы. Из плюсов — способность к постоянному обучению и совершенствованию, из минусов — неизбежная потеря близких и окружающих. Казалось бы, мелочь, но мелочи это то, что формирует нашу реальность, смысл нашего существования, комфорт нашего проживания. То есть, как вы понимаете, мириться с такой «мелочью», как потеря окружения, маги-отступники не пожелали. «Акшаратас» — один из способов сохранить привычный комфорт, который обеспечивает прислуга.

Теперь никто ничего не говорил, все потрясенно слушали. Особенно я.

— Сомневаюсь, что вы в своей жизни сталкивались с таким неприятным занятием, как обучение прислуги, но должен заметить — дело это не простое. Более того, порой проще сделать самому, чем объяснить постороннему человеку, как нужно наводить порядок в магической лаборатории. Неудивительно, что раздражительные и нетерпимые отступники крайне трепетно относились к тем, кому удавалось соответствовать их высоким требованиям. Таковую прислугу берегли по мере сил и возможностей, но все люди смертны. Можете представить, какую досаду вызывала у отступников смерть квалифицированных слуг. «Акшаратас» позволил решить эту проблему самым кардинальным образом. — Ректор сделал небольшую паузу, и продолжил: — Когда слуга или служанка по старости лишаются возможности качественно выполнять свою работу, маг-отступник подбирает удовлетворяющее его запросам тело мужчины или женщины в зависимости от пола прислуги и помещает жертву в темное место, лишённое доступа дневного света. Подвал, подzemелье, пещера — не имеет значения. Здесь человек находится сорок дней и содержится в условиях голодания, а главное, полнейшего отсутствия воды. Воду в чистом виде жертва не получает, лишь вино с кровью раз в два дня. Цель подобного содержания — ослабить, но не убить и ни в коем случае не нанести вред. В ночь после сорокового дня проводится ритуал — маг, расположив оба обнаженных тела на одной плоскости в соприкосновении друг с другом, использует медную пыль как проводник, для чего натирает ладони, виски, грудь жертв, а затем приступает к переселению душ. Процесс болезненный. Чаще всего старый слуга гибнет сам во время ритуала, в редких случаях магу приходится использовать удушение, а затем происходит естественное — под воздействием магии более сильный дух слуги захватывает молодое тело, вытесняя ослабевший без доступа света дух жертвы.

Он вновь остановился. Пауза была достаточно долгой, после чего лорд Гаэр-аш продолжил:

— С первыми лучами солнца ритуал завершался, и маг-отступник получал старого обученного слугу в новой, более молодой и прочной оболочке. Естественно, слугу максимально быстро приводили в норму — питание, режим сна, подпитка магией.

Откуда-то от передних парт донеслось:

— И как долго проживало новое... тело?

Ректор не стал отчитывать за неуместный вопрос, как иные преподаватели, он дал четкий ответ:

— Двадцать — двадцать пять лет. Не больше. Несмотря на все попытки отступников увеличить срок эксплуатации нового тела, есть, видимо, в человеке что-то такое, что начинает умирать, едва истинная душа изгоняется. Именно поэтому «Акшаратас» применялся исключительно для решения бытовых вопросов, но никогда для переселения душ тех, кто действительно был крайне дорог отступникам.

В аудитории вновь наступила тишина, все пытались осознать услышанное. Да, некроманты из моей группы и раньше говорили, что лекции ректора потрясающие, но

почему так — я поняла лишь сейчас. Гаэр-аш умел вызвать интерес к преподаваемому им предмету.

— Да, поганенькая у этих слуг была «вечная жизнь», — произнес кто-то от окна.

Смех ректора стал неожиданностью. Мы все удивленно посмотрели на него, даже я решила оторвать взгляд от конспекта. Глава Некроса прекратил смех, присел на край стола и рассказал невероятное:

— Вот действительно поганенький случай был под Тарраком. Дом Мечей суров к врагам, и обычно те, кто бросают вызов роду Харн, не осознают, что эти... — усмешка, явно при воспоминании о гоблинском переводе, — суровые воины не умеют отступать.

Вот после слов про суровость к врагам вся группа разулыбалась, читали-то все, но стоило ректору продолжить, улыбки исчезли.

— Так вот, воины Дома Мечей осадили логово отступника. Действовали профессионально и быстро — почти вся охрана мага была перебита в течение часа, затем воины ворвались в замок. Тарн, — ректор взглянул на Рика, — насколько мне известно, ваш отец участвовал в захвате, не так ли?

Мой сосед величественно кивнул. Гаэр-аш продолжил:

— Так вот, прислуга мага так же была перебита, но раненого мужчину отступник успел увести и скрыть. Ненадолго. Дом Мечей не тот противник, которого легко сбить со следа, — скоро юная прелестная девушка с лексиконом пьяного матроса была схвачена на ближайшем рынке. Думаю, вы уже догадались, кем она была.

Справа от нашей парты раздался осторожный вопрос:

— Тот самый раненый слуга?

— Именно так, — усмехнувшись, подтвердил ректор. — И суть в том, что новые тела отступников обычно зачарованы от боли и магических повреждений, то есть пытаться таких слуг практически бесполезно. Если бы не одно но — это было тело юной девушки, красивой и невинной, и вселенный в нее мужчина прекрасно знал, что могут сделать разозленные воины. Так что палачам Дома Мечей хватило лишь пары непрозрачных намеков, чтобы слуга заговорил. И он выдал все — местоположение скрывшегося, но не имеющего возможность покинуть Таррак мага-отступника, тайные ходы, наличие охранных заклинаний. Абсолютно все.

— Да, — протянул Ревис с первой парты, — оказаться в теле женщины, это действительно погано.

И группа всем составом повернулась, чтобы одарить меня долгим сочувствующим взглядом. Наверное, стоило промолчать, но неожиданно всплыв, я заявила:

— Скажите это своим мамам. Уверена, им будет очень «приятно».

— Достаточно! — отрезал лорд Гаэр-аш. — Записывайте.

И лекция продолжилась подробным описанием ритуала, с рисунком требуемого положения тел, магической формулой и скрупулезным внесением схемы повреждения магического фона, которая позволяла определить факт состоявшегося ритуала даже без наличия косвенных улик.

Я записывала машинально, стараясь не думать, как однажды вместо старой кухарки Тали появилась молодая женщина, которая двигалась как прежняя кухарка, готовила все мои любимые десерты и называла меня «Линни». А на мои удивленные вопросы следовало: «Так тетушка Тали мне все-все про тебя рассказала, девочка моя, вот я и знаю». И я верила, потому что чувствовала и любовь, и заботу, и мне было очень приятно, когда женщина время

от времени гладила по голове или приходила читать сказки, когда дядя задерживался. Впрочем, в доме Тадора меня любили все, даже садовники с жуткими рваными ноздрями, что, как я потом узнала, является свидетельством осуждения на каторгу. А ведь из них никто не сквернословил, не грубил, не вел себя как преступник. Никто. И никто не остался в доме после гибели дяди Тадора — когда я появилась там, дом был разграблен и пуст. Но если бы только дом — убежище в горе, доступ в которое так стремились заполучить дознаватели, тоже оказалось безлюдным.

Не стоило предаваться воспоминаниям — после того разговора ректора с дознавателем Нардашем я старательно гнала прочь все мысли о дяде Тадоре. Абсолютно все. Мне не хотелось думать плохо о единственном человеке, которого я так искренне любила. Единственном, кто любил меня.

Прозвенел звонок. Мы все поднялись, выказывая уважение к преподавателю, и когда дверь хлопнула, я рухнула на стул и закрыла лицо руками. Усталость, опустошенность и горечь накатили разом, отнимая последние силы. Хотелось расплакаться навзрыд и так, чтобы после слез не осталось никаких эмоций, хотелось спрятаться под одеялом, укрыться с головой и обнять Пауля, который будет тихо и успокаивающе пищать что-то хорошее. Хотелось.

— Риа, — Рик осторожно обнял за плечи, — ты чего? Риа?

На его вопрос Лоргас с передней парты отозвался веселым:

— Осознала, что девушка, и теперь в обоснованном ужасе.

Все заготатали. Наверное, в другое время я ответила бы хоть что-то, а сейчас не смогла. Повернулась к Рику, уткнувшись лбом в его плечо, и просидела так, пока все не вышли. Сидели мы долго: я, ни о чем не думая, и Рик, просто обнимая меня. Лекция ректора была последней, и опустела не только наша аудитория, опустел и весь корпус — некроманты спешили на ужин.

— Попробуй поплакать, — неожиданно предложил Рик.

— Не смогу, — едва слышно ответила, — просто не смогу.

Погладив меня по волосам, парень тихо спросил:

— Что тебя так сильно расстроило, помимо той гнусности, которую прочел ректор?

Я высвободилась из объятий некроманта, медленно сложила тетради и учебники, зачехлила писчее перо и карандаши, убрала свои вещи в рюкзак и, не поднимая головы, неожиданно для самой себя призналась Рику:

— Я два года прожила в доме, где слуги, судя по всему, проходили обряд «Акшаратас».

На Рика я не смотрела, но почему-то отчетливо ощутила, что парень перестал дышать, не в силах принять услышанное. И все равно добавила:

— Этот человек был мне не просто другом, он, после смерти родителей, оказался единственным, кто любил меня и обо мне заботился. Я не хочу и не буду думать о нем плохо. Никогда не буду.

Некоторое время Рик молчал, а затем в тишине пустой аудитории прозвучали его глухие слова:

— Моих родителей убили наши слуги, которые, как выяснилось позднее, были подвергнуты обряду «Акшаратас». Мы уезжали на совет в Дом Мечей, собранный отцом Харна, вернулись через полтора месяца.

Я в ужасе посмотрела на некроманта, а он продолжил:

— Первый удар нанесла кормилица моего отца. Неожиданный, от которого бывалый

воин не смог уйти. Маму убил мой учитель фехтования. Не вставая со стула даже. И потому отец, который и со смертельной раной продержался до появления воинов, защищая меня, о том, что она погибла, узнал, лишь падая на пол, — мама умерла мгновенно, но оставалась сидеть с открытыми глазами.

— Рик! — испуганно выдохнула я.

Парень молча повернулся, как-то невесело улыбнулся мне и отчеканил:

— Ненавижу отступников.

Протянув руку, осторожно сжала его ладонь, Рик накрыл мои пальцы сверху, погладил, молча стараясь справиться с нахлынувшими эмоциями. Справился и тихо произнес:

— Они всем отомстили, Риа. Всем, кто участвовал в зачистке. Твой отец, отец Эдвина Харна, мои родители — видишь, прошли годы, и мы все встретились в Некросе. Причем ты даже не в курсе случившегося. Идем, — он поднес мою руку к губам, нежно поцеловал, — время.

И Рик поднялся, начал собирать свои учебники и тетради, запихнул все в рюкзак, остановился, вопросительно глядя на меня.

— Ну? — вопрос вслед за взглядом.

Мне не оставалось ничего иного, кроме как встать и двинуться следом.

Глава вторая. Ритуальная

Войдя в свою комнату, я на мгновение глаза прикрыла — Пауль экспериментировал с занавесями, и сегодня эксперимент проходил с применением сосулук. А потому последние солнечные лучи, попадая на парад ледяных кристалликов, вплетенных в кружево из паутинки, яркими брызгами расцветили всю комнату. И настроение подняли с ходу.

— Добрый вечер, я дома! — радостно объявила своим домочадцам.

Гобби подошел, обнял, после чего начал забирать у меня по мере снятия рюкзака, плащ, сапоги, а Пауль, увидевший мое появление через им же натертое до блеска стекло, радостно пискнул и, открыв форточку, протиснулся в комнату. Его стремительный полет через все пространство закончился счастливым «Ии!» у меня на руках.

— Красота какая за окошком, — похвалила я его, почесывая пузико.

Пауль млел от счастья, раскинув лапки, а Гобби расставив вещи в шкафу, подошел к столу и написал на листке «Плакала».

— Я? — делаю искренне удивленное лицо.

Умертвие кивнуло. Паучок вскинулся, встревоженно глядя на меня, а я, отпустив Пауля и расшнуровывая платье, села на край постели и тихо призналась:

— Сегодня поняла страшную вещь — я никогда не думала о смерти моего отца. Никогда. Для меня осталась формулировка «Погиб в бою», и я с ней полностью смирилась. Вот и получается, что смерть родного отца для меня совершенно не имеет значения, а гибель дяди Тадора и до сегодняшнего дня — настоящая трагедия.

Гобби присел рядом, в тетради, где легко, как-то у него это удивительно и красиво выходило, написал:

«Ты совсем маленькая была, и дома он практически не бывал».

— Это так, — я подхватила запрыгнувшего ко мне на колени Пауля, — но все же мне стыдно.

«Думаешь, твоему отцу было бы приятно видеть, что ты рыдаешь каждый день, скорбя о его гибели?»

И вот просто строка, но то, что кое-кто мертвый иронизирует — сразу понятно. Хмуро глянула на умертвие, Гобби приписал:

«Нет, ну если хочешь, я сбегаю за пеплом, будем скорбно посыпать им твою голову».

Рассмеялась, едва прочитав, и как-то разом стало легче. И когда Гобби протянул план сегодняшней охоты на дармовую энергию, веселее стало вдвойне.

Ибо план был таков:

«Темной-темной ночью среди разбросанных могил (зачеркнуто) корпусов пробирается одинокая фигура черного-пречерного монстра».

Невольно взглянула в угол — там действительно была приготовлена черная мантия. Пауль вообще не просто так экспериментами с паутинчатыми занавесками занялся, просто казенные тяжелые гардины были целиком и полностью израсходованы на костюмы энергодобытчиков. И все бы ничего, но жутковато было отпускать сегодня.

— Пауль, саламандра с вами?

— Ии, — подтвердил паучок.

Ну, уже спокойнее, у ящерики на редкость все замечательно со здравомыслием — сама ей завидую. И что еще важнее — в случае чего она моих умертвий прикрывала огнем. В прямом

смысле. То есть маскарад сторал мгновенно, а набежавшим некромантам оставался только мой худенький маленький и совсем не опасный Гобби, в котором ну никак невозможно было заподозрить жуткого монстра, а Пауль с подружкой уходили верхами, то есть по крышам.

Но читаю дальше:

«Черный монстр следует обозначенной цели, в то время как ничего не подозревающая жертва ожидает возлюбленного».

— Кого ожидает? — не поняла я.

Пауль спрыгал до стола и вернулся обратно с запиской, на которой я прочла поднадоевшую полную чувств чушь, смысл которой «Жду тебя за четвертым корпусом в 9.07».

— Какой требовательный возлюбленный, — пробормотала я, невольно сочувствуя девушке.

«Излишне пунктуальный», — написал Гобби.

Строго глянула на умертвие и прямо спросила:

— То есть вы сегодня кому-то свидание сорвете?

Зомби невозмутимо пожал плечами и написал:

«Он не слишком дорожит этими отношениями».

— Почему?

Изобразив тяжелый вздох, Гобби написал:

«Указом ректора запрещены посещения общежития противоположного пола, в случае если адепты не помолвлены. И если бы этот Хайсан любил девушку, не назначал бы свидание вблизи ангара с сеном».

Да уж, и не поспоришь, а потому я просто попросила:

— Сено не спалите, лошадям и так зимой не просто.

«Читай дальше!» — с самым гордым видом написал Гобби.

Читаю:

«Жертва обзревает явившегося монстра, затем следует крик ужаса и магическая атака. В момент продолжающегося крика монстр номер два затыкает орущую пасть подручными средствами, после чего жертве остается предпринимать судорожные попытки по освобождению глотки, тем самым открывается широкий простор для маневров по отступлению. Задание выполнено. Мы герои!».

Мой веселый смех никого не обидел — «герои» сидели, улыбались (Гобби), подпрыгивали (Пауль) и предвкушали насыщенный вечер.

— Только не забудьте, герои, вернуться к половине десятого, — попросила я.

Мне торжественно пообещали не забыть.

А потом был самый обычный вечер — я сходила в душ и, вернувшись, перекусила бутербродами с чаем, более плотно поем уже у Норта, так что можно не терять время на поход в столовую. Затем я села за уроки, Пауль сбежал к саламандрочке, Гобби устроился рядом и погрузился в изучение какого-то темно-зеленого свитка. Мне было бы интересно, что там, если бы не домашка по боевой некромантии, которую мы изучали в рамках спецкурса по самозащите.

Но не успела я выполнить три из четырех упражнений, как Гобби протянул костистую ладонь, похлопал меня по руке, привлекая внимание. Поднявшись, я обошла стол и склонилась над свитком, читая подчеркнутый карандашом пункт:

«Задание 1: Провести расследование, имея в наличие труп годичной давности.

Выяснить причины смерти, определить имя умершего».

Перечитав трижды, я взяла свиток, перевернула, прочла заглавие «Постановление о внесении поправок в регламент проведения Королевских Мертвых игр».

— Ух, — только и смогла сказать. — Это откуда?

«Пауль приволок из кабинета ректора», — написал Гобби.

— Приволок? — испугалась я.

«Ректор дал сам, — пояснил умертвие. Затем еще написал: — Вернуть в семью».

Я присмотрелась к тому, что делал Гобби, и поняла — переписывал. Все подчистую.

Гобби же обратил мое внимание на совершенно иное:

«Допрос нежити. А ты не знаешь как».

— Поняла, — я даже кивнула, — нужно будет позаниматься по этому предмету.

«Книги возьму завтра», — снова Гобби.

Благодарно обняла умертвие и вновь села за уроки. Вообще часть заданий выполнял за меня Гобби, но та часть, которая не влияла на знания, а учиться-то нужно было мне, так что базовые предметы я делала сама.

В семь прибежал Пауль, схватил свиток, убежал. А у меня Гобби забрал перо и тетрадь и непреклонно указал на кровать — да, спать приходилось урывками.

В девять Гобби разбудил, заставил сесть на постели, подложил подушку под спину и сунул в руки чашку с чаем. И пока я, зевая, хлопала ресницами, Пауль, схватив замотанный костюм монстра, выскользнул в форточку, а Гобби, помахав мне на прощание, вышел через дверь. Мне оставалось быстро допить чай и собираться.

Сегодня я планировала сотворить замену артефакта Сирилла — не настолько сильный, но не менее действенный, по крайней мере, от удара той силы, что уничтожил мой главный артефакт, Кхелло защитит тоже... и тоже погибнет. Но это как иметь одну дополнительную жизнь, что дорогого стоит. Ко всему прочему я собиралась сделать и Амаэ-Тхен. И вот для второй вещицы мне и требовался склеп — потому что сам Амаэ — мелочь несущественная, действует примерно так же, как и заклинание отворота, а Тхен уже из области запрещенного и закононаказуемого, но я не могу так больше! Норт и Эдвин — перебор. Я никогда не искала мужского внимания, мне хватило отчима, но если с ним Тхен бесполезен, отчим эмпат, то на некромантов подействовать должен.

И одна только мысль, что сегодня посягательства наяд прекратятся, придавала сил.

Сбежав умыться, я прихватила два полотенца, одно намочила, выжала и завернула в сухое, вернувшись, торопливо переоделась — черная длинная шерстяная рубаша, черное платье, чулки, туфли, плащ. К сожалению, под рубашу ничего не наденешь — ритуал не позволял, но вещь проверенная, очень теплая, так что я не переживала. В сумке, скрытой под ворохом вещей в шкафу, уже все было сложено — у меня неделя на подготовку и ушла, и, перекинув широкую лямку через плечо, я покинула комнату.

Сойдя вниз по лестнице, притормозила на последних ступенях, дождалась, пока куратор отвернется, и прошмыгнула под лестницу, к кладовой.

Здесь было совершенно темно, но света мне и не требовалось — четыре шага к стене и знак, открывающий путь, а в следующее мгновение я шагнула в вены Некроса и у меня мгновенно забрали сумку.

— Отправил Салли твоих прикрывать, — сообщил Рик.

— Спасибо, — я потерла плечо, — только там склады с сеном рядом.

Парень задумался, после махнул рукой и заявил:

— Она умная девочка. Идем?

Я кивнула, и мы поторопились миновать ходы, чтобы добраться до нашей цели — укромного уголка на поверхности, который был закрыт со всех сторон скалами и фактически образовывал колодец. Его Рик нашел, когда мертвая леди нам знак открыла, так что я по вечерам готовилась к ритуалу, а некромант исследовал склеп и прилегающие территории.

— На поверхности похолодало, — неожиданно произнес Рик.

— А, ничего, мне жарко будет, — отмахнулась я.

Ничего не сказав, Рик обнял за плечи и повел меня гораздо быстрее. Мы миновали шесть ответвлений, и некромант остановился. Знак, другой, не тот, которым пользовалась я, и стена дрогнула, открывая проход.

— Что-то новенькое? — не удержалась от вопроса.

— Экспериментировал, — загадочно ответил Рик. — И да — там действительно холодно.

Невозмутимо пожав плечами, я шагнула во тьму прохода.

В вышине между скалами завывал ветер, шел снег, мелкий, словно мириады острых иголок стужи, скалы покрылись изморозью. Похолодало действительно как-то неожиданно, не совсем типично для этих мест.

— Может отложим? — предложил Рик.

Я вспомнила про Норта, его вчерашние попытки поцеловать, резко выдохнула и начала раздеваться. Что странно — Рик больше ни слова не произнес. Я же скинула плащ, затем платье, последними, с содроганием, стянула чулки и шагнула босиком на заснеженную землю.

Холодно!

Очень. Настолько, что мышцы сводило и зуб на зуб не попадал. Взяв деревенеющими пальцами протянутую Риком сумку, я прошла в центр колодца, опустилась на колени, расположив сумку справа, и принялась торопливо расплетать волосы.

И только когда была готова, извлекла заготовки для Кхелло, свечу, спирт, горелку, нити серебра. Затем зажгла огонь и зашептала первое из заклинаний, обнимая огонек свечи ладонями. Кхелло — амулет слабый, не определяющийся ни одним поисковым заклятием как магически заряженная вещь, и подобные свойства достигаются единственным способом — разделением сил и свойств. А потому необходимо было исключительно матричное наложение свойств, для чего я сейчас и строила в сознании шаблон схемы, модифицируя его под свой замысел.

И я создавала, меняла, используя в качестве привязки к реальности тепло свечи и давно не ощущая холода. Его просто не было. И меня не было. Не было ничего, кроме огонька между моими ладонями и матрицы, сияющей все ярче в моем сознании. А еще имелась необходимость действовать быстро, крайне быстро. И когда я отчетливо увидела результат, потянулась к горелке, зажгла, разместила нити серебра и, не открывая глаз, начала вплавлять кольца в уже готовое тельце паучка, одновременно встраивая мысленную матрицу. Инструменты мне понадобились лишь на завершающей стадии, когда мыслеформа уже была помещена в амулет.

— Красиво, — тихо заметил Рик.

Я улыбнулась, впервые взглянув на браслет в форме паука, лапками обнимающего запястье, с такой точки зрения. Не знаю как насчет красоты, но изделие вполне в духе Некроса, и никто не обратит внимания на своеобразное украшение. Никто, но в случае

необходимости Кхелло спасет мою жизнь, как сделал это артефакт Сирилла.

Завершив, я обернула браслет в захваченное с собой мокрое полотенце, и шипение металла наполнило пространство колодца, затем быстрыми отработанными движениями зачернила серебро. И не давая металлу остыть полностью, надела на левое запястье. Это было необходимо сделать сейчас, пока металл был теплым, даже горячеватым. И в довершении игла вспорола кожу там, где расположилась мордочка паучка, позволяя амулету впитать кровь носителя.

Все, с этого мгновения за свою жизнь я была спокойна.

— Закончила? — осторожно спросил Рик.

Отрицательно мотнув головой, я усилила огонь горелки, извлекла заготовки для Амаэ-Тхен и вдруг поняла странное — у меня руки дрожали от перенапряжения. Плохо, надо было поесть, сейчас сил совсем мало, а еще с Гобби поработать нужно будет. И по-хорошему, мне следовало бы отложить этот ритуал, я чувствовала, что так было бы правильно, если бы не Норт!

— Время? — Вопрос прозвучал хрипло.

— Без двадцати, — ответил некромант.

Я поднялась, потянулась руками вверх, пытаюсь сбросить хоть часть усталости, прогнулась назад, замерла на пару секунд и вновь опустилась на колени, чтобы достать листок с измененной формулой и приступить к созданию артефакта.

Основой Амаэ служит как это ни банально — разрыв-трава. Ее используют и ведьмы, и знахарки, и травницы, и маги, и даже грабители. Сама по себе трава опасна, но если собрать и заклисть ее правильно, она разрывает связи от духовных до элементарных, и если на двери магический замок — разрыв-трава нарушит связь с сигнальной системой на те секунды, что требуются квалифицированному взломщику. Именно поэтому у каждого вора в суме с инструментами и пучок разрыв-травы всегда в наличии. Мне почему-то из всех примеров, рассказанных дядей, именно этот больше всего запомнился. Наверное, несоответствием — россыпь стальных отмычек и пучок засушенной травы. Смешно же. Но когда мы изучали ее в университете, смешно уже не было. Вот и сейчас измельченный порошок я извлекла с осторожностью и трепетом.

Руки продолжали слегка дрожать, но все равно ссыпала все в плоску очень аккуратно и поставила на огонь. Трава зашипела, превращаясь в пепел, и я ждала недолго, чтобы разместить застывшие капельки меди, подготовленные еще вчера. Чуть-чуть магии — и металл оплавился, поглотив пепел разрыв травы. Следом всыпала порошок серебра. Первый этап был завершен, и, отставив плоску с застывающим металлом, я потянулась за заготовкой для Тхен. Золото, шесть капель моей крови, четыре капли отвара сфагнума — мха, способного сбить с пути и отвадить от дома, экстракт белладонны, чтобы испытавший желание уйти не осознал его причины, и сила — много силы, которую я вплетала с каждой секундой все интенсивнее, до шума в голове, до слабости в руках.

— Десять, — донесся до меня голос Рика.

Опаздываю.

Эта мысль чуть не заставила сбиться, но усилием воли я вернулась к созданию артефакта. Две формы расположила перед собой — из сплава для Амаэ будет кольцо, почерневший сплав для Тхен сформирует шар, который увенчает колечко. Дядя не раз говорил, что лучший способ что-то спрятать — оставить на виду. Именно так я и собиралась поступить. Всего лишь колечко из меди и серебра, с вставкой из черного золота — ничего

особенного, почти бижутерия. И сниму я его только тогда, когда артефакт целиком и полностью Норта отвадит!

Когда с энергетической частью ритуала было покончено, и я взялась за обработку изделия, Рик молча подошел, накинул мне на плечи плащ.

— С-с-спасибо, — дрожащим от слабости голосом, сказала я.

— Помочь? — спросил некромант, присаживаясь на корточки рядом.

— Нельзя, — меня трясло все сильнее, — пока металл не застынет, к нему должна прикасаться только я.

Рик кивнул, потянулся к горелке, загасил, начал собирать мои инструменты, а я, держа кольцо щипцами, полировала детали, уже исключительно из эстетических чувств. И не могла понять странного ощущения — мне казалось, что я что-то сделала неправильно. Не знаю что. Возможно дело в том, что до меня никто не соединял Амаэ и Тхен, а быть может, дело в травах — у разрыв-травы и сфагнума сходные свойства, и по идее они должны усиливать друг друга, а на деле?

Руки замерли. Рик протянул сосуд с застывающей на морозе водой, куда я не задумываясь бросила кольцо остывать. И пока одевалась, судорожно и быстро, чувствуя, как заледенело все тело, я все размышляла над результатом. Получилось или нет?

Надев чулки, несколько минут растирала ноги, прежде чем втиснуть их в туфли, и только после этого взялась зашнуровывать платье. А Рик все собрал. Так приятно было, что он мне помогает.

На мысли про «помогает» мне пришла идея! Потрясающая просто. И завязав тесемки плаща, я торопливо достала артефакт, вытерла его насухо, надела, резко выдохнула и попросила:

— Рик, поцелуй меня.

Некромант, уже все собравший, как раз подходил ко мне, но споткнулся, услышав просьбу, и остановился в двух шагах.

— Что? — после секундной заминки, спросил Рик.

— Поцелуй, — растирая ледяные пальцы повторила я просьбу, — пожалуйста.

Рик подошел, хмуро глянул на меня с высоты своего роста и задал еще один вопрос:

— Зачем?

Нетерпеливо выдохнув, я объяснила:

— Это, — продемонстрировала кольцо, — нечто сродни магии отворота, только сильнее и действеннее. И активация непосредственно при контакте.

— Контакт прикосновением? — глухо предложил необыкновенно напряженный Рик.

— Нет, там же моя кровь... — Я на миг запнулась, не зная как объяснить, чтобы это не выглядело отвратительно.

Просто кровь, это внутренние прикосновения, то есть активация при соприкосновении слизистых — а это только поцелуй. Но вот как это объяснить, избегая термина «слюна». Так ничего и не придумав, я развела руками и снова попросила:

— Поцелуй, ну пожалуйста. Мне нужно знать, что он действует, а то я вместо работы над Гобби буду постоянно отвлекаться на мысли «сработает, не сработает».

И я умоляюще посмотрела на Рика. Парень хмуро разглядывал мое лицо, затем неожиданно резко наклонился, стремительно прикоснулся губами к моим губам и выпрямившись, хрипло спросил:

— Достаточно?!

Мой разочарованный стон был ему ответом.

— А что не так? — Или мне казалось, или Рик почему-то начал злиться.

И плюнув на всю стеснительность и вообще моральные принципы, я предельно честно ответила:

— Поцелуй, слюна, слизистые там и все такое. Я не могла изготовить артефакт на простое прикосновение, понимаешь, иначе слишком значительный шанс попасться. Ну и вот.

И вот после этого, единственное, на что я могла смотреть — мои руки. На Рика было стыдно глаза поднять, и мысли о поцелуе я тоже напрочь отринула. Отчетливо же понимаю — ему неприятно будет.

Но тут некромант произнес усталое:

— Я понял.

— Да ладно, забудь, — пробормотала я.

— Слушай, надо так надо, — резко ответил Рик. — Голову подними, или мне с макушки начинать?

Отрицательно покачав головой, я развернулась, направилась к стене и уже там, продолжая растирать пальцы, остановилась, ожидая Рика. Некромант вновь нарисовал свой странный символ, и стена содрогнулась, открывая проход. В сумрак вен Некроса мы шагнули разом, но войдя, я вдруг поняла — сейчас, если артефакт не действует, я еще смогу внести изменения — металл теплый, а вот спустя час предпринимать что-либо будет поздно, и придется еще неделю готовиться.

В общем, я развернулась к Рику, зажмурила глаза и практически потребовала:

— Целуй.

И замерла, ожидая его действий.

С глухим стуком совсем рядом упала сумка, затем Рик шагнул ко мне, очень близко и я уже разомкнула губы, приготовившись, но... Сначала его ладони скользнули по моим рукам, бережно сжали, и затем погладили пальцы, после поднялись вверх, отвели прядки волос с моего лица, осторожно прикоснулись к щекам, и лишь затем я ощутила его дыхание на коже. И прикосновение, нежное, легкое к кончику носа, к скулам, к подбородку... И я перестала дышать, не могла даже пошевелиться и ни за что бы не открыла глаза в этот момент. И в тот миг, когда его губы прикоснулись к моим, лишь зажмурилась сильнее, менее всего думая о действенности Амаэ-Тхен, и отчетливо ощущая, как все сильнее бьется сердце.

Потому что это был мой первый поцелуй.

Самый первый, самый нежный и единственный с моего разрешения. Потому что не было ни больно, ни обидно, ни страшно. Потому что Рик бережно обнимал, а не держал, не позволяя вырваться, потому что мне вдруг захотелось, чтобы проклятый Тьмой артефакт не подействовал.

Но еще одно прикосновение, ласковое, такое интимное, и, скользнув по моей нижней губе, Рик отстранился, продолжая осторожно обнимать мое лицо.

Я распахнула глаза, увидела его внимательный, потемневший взгляд и услышала тихое:

— Не работает, Риа.

И кто бы мне объяснил, почему после этих слов я улыбнулась.

И улыбалась почти минуту! Потом до меня дошло!

— Вот Тьма!

На мое восклицание вены некрота отозвались звучным эхом. А Рик успокаивающе похлопал меня по плечу, после чего нагнулся, поднял сумку и протянул мне руку, предлагая

уходить.

— Не могу, — простонала я, обнимая себя за плечи, — артефакт нужно доделать.

Вскинув руку, некромант глянул на часы и сообщил:

— Без двадцати одиннадцать.

Все, лимит времени исчерпан. Я обреченно кивнула, и мы пошли в склеп. Рик молчал, я тоже — мне было неловко. Даже не от того, что не сработал Амаэ-Тхен, скорее от своего поступка и ощущений.

И потому, едва вошли в склеп, я не глядя на Рика торопливо шагнула к сидящей в плаще сгорбленной фигуре явно Гобби, но отойти не успела. Некромант неожиданно схватил за запястье, рванул на себя и обнял. Крепко-крепко. Так, что не осталось чем дышать и прошептал:

— Риа, пожалуйста, то, что случилось, было просто экспериментом. Ты попросила — я пошел навстречу. Но не отталкивай меня сейчас, не закрывайся.

Запрокинув голову, встревоженно посмотрела на Рика, на его бледное лицо, черные, словно горящие тьмой глаза, на плотно сомкнутые губы.

— Хочешь, я поклянусь, что больше никогда не поцелую тебя? — неожиданно хрипло спросил Рик.

Я не смогла ответить правду, не сумела и солгать. Я находилась в смятении, чувствуя желание вновь закрыть глаза и ощущать прикосновения Рика, и в то же время холодный разум артефактора метался в поисках ответа на вопрос — что произошло? Рик мой друг, лучший, единственный среди живых, такой близкий, такой родной, и вдруг поцелуй и то, что я почувствовала. Что если Амаэ-Тхен разрушил те чувства, которые были, и сейчас появляется нечто совсем иное. У меня появляется. Сомневаюсь, что у Рика, ведь его слова говорят о желании сохранить именно приятельские отношения.

— Почему ты молчишь? — тихо спросил Рик, глядя мне в глаза.

Я мягко высвободилась из его объятий, коснулась его пальцев и тихо попросила:

— Дай мне немного времени. Пожалуйста. Я не могу сейчас ответить.

Он сжал мои пальцы в ответ, и тут в тишине склепа прозвучало:

— Ну почему же, вот мне, к примеру, ответ было бы очень интересно услышать прямо сейчас!

Я вздрогнула и вздрогнула повторно, увидев, как фигура, которую я поначалу в сумраке приняла за Гобби, стремительно встает, плащ падает, и даже в темноте я разглядела фиолетовый отсвет в глазах Норта!

Внезапно понимаю, что мне никогда не было так страшно. Потому что боялась не за себя. Вовсе не за себя. И когда Дастел шагнул к нам, я сдавленно прошептала:

— Рик, уйди, пожалуйста.

И совсем не ожидала того, что мои слова расслышит четвертый человек, находящийся в склепе.

— Тарн, — Эдвин оказался стоящим возле склепа, в трех шагах от нас! — надеюсь, ты осознаешь, что подписал себе смертный приговор сейчас?

И в груди что-то оборвалось. Норт в любом состоянии вполне адекватен — Эдвин нет! Совсем нет.

— Я же говорил, — Дан плавно вышел из-за могилы, — что у них все не так гладко. Совместные ужины, после лекций в аудитории задерживаются и да, самое главное, — Тарн перестал ходить по девочкам. Захотелось чего-то особенного, да, Рик?

Это было так жутко и в то же время так нелепо. Едва не выругавшись, я стремительно подошла к Норту, невольно поежилась под его холодным злым взглядом и предельно спокойно объяснила:

— Рик всю неделю искал место для проведения ритуала. Я попросила. Вот и все. И все ваши инсинуации по поводу...

Неожиданно левая рука Норта сжала мою шею. Таким быстрым движением, что я не успела даже вскрикнуть и уже не смогла издать ни звука, когда правая рука Дастела столь же быстро подняла ткань платья, скользнула на ногу, поднялась выше и замерла, коснувшись обнаженной кожи.

Норт молчал несколько секунд, просто стоял, закрыв глаза и не убирая ладонь, а затем в склепе прозвучал его глухой, полный ярости голос:

— Тарн, ты труп.

Я задохнулась от ужаса, вцепилась ногтями в руку Дастела, пытаюсь вырваться, но что я могла? И даже вырваться прекратила, услышав реплику Дана:

— Труп вышвырнем в лесу, в местах скопления оголодавшей нежити, к утру проводить дознание будет не с чем.

— А я предоставлю дознавателям свидетельство о психической неменяемости адепта Тарна, — холодно добавил Эдвин, — и случившееся сочтут самоубийством.

Едва не взыв, я дернулась снова, и вдруг прозвучал спокойный голос Рика:

— Да, хорошо, я труп. Без проблем, Дастел. Но Рию отпусти, ей больно.

Норт медленно разжал пальцы. Ладонь скользнула по моей шее, рука обхватила подбородок, вынуждая запрокинуть голову, посмотреть в его глаза. И вот так, глядя на меня почти с ненавистью, Дастел спросил:

— Между вами что-то было? Отвечай быстро, милая, очень быстро.

И я ответила:

— Нет.

Темно-фиолетовые глаза сузились, взгляд медленно переместился на мои губы, намекая на услышанный разговор про поцелуй, и я торопливо пояснила:

— Рик не хотел меня целовать. Я попросила.

— Зачем? — холодный, отстраненный тон.

Мне до безумия не хотелось признаваться. До крика. А выбора не было никакого. И прикусив на мгновение губу, едва слышно ответила:

— Проверить артефакт отворота.

И вновь несколько секунд было тихо, после чего Норт лениво и даже как-то безразлично произнес:

— Покажи.

Медленно подняла руку, в свете факелов мое кольцо тускло сверкнуло, браслет сверкал ярче, он до соединения с нитью уже был отполирован.

— Теперьними и дай мне, — еще один совершенно спокойный приказ.

Выдохнув, потянулась к браслету, рывком стянула с запястья. Позади меня Рик глухо выругался, помянув Тьму, я же все так же молча протянула браслет Норту, искренне надеясь, что кольца он попросту не заметит. Не заметил, забрал браслет, закинул в свой карман, затем, обняв за талию, рывком прижал к себе и вкрадчиво прошептал:

— Ты ведь понимаешь, что мы можем его убить?

Я зажмурилась и ответила:

— Да.

— А значит глупостей больше не будет, не так ли? — почти промурлыкал Дастел.

Меня это разозлило до безумия. Распахнув ресницы, я зло посмотрела на некроманта и не выдержала:

— Слушай, глазастый, я тебе вообще ничего не должна! Вообще, понимаешь?! У нас договор на фиктивную помолвку! Фиктивную! Следовательно, я могу встречаться с кем хочу, спать с кем хочу и не спрашивать твоего разре...

— Дан, — очень спокойно прервал меня Норт.

Звук удара и глухой звук падения чего-то на пол. Дастел не дал обернуться, но мне и не потребовалось — я и так поняла, что случилось. По щекам побежали злые слезы, горло сжало спазмом. Судорожно сглотнув, чтобы вернуть себе возможность говорить, тихо сказала:

— Глупостей больше не будет.

— Умница, — с усмешкой похвалил некромант.

А я смотрела на него и думала о том, что ненавижу, кажется, даже больше чем отчима. Гораздо больше. Но с этим попозже, а сейчас:

— Отпусти Рика, пожалуйста.

Норт спокойно ответил:

— А его никто не держит, милая. Захочет — уйдет.

Дан позади нас, весело добавил:

— Когда встать сможет.

Я стремительно обернулась — Рик действительно лежал на полу, скованный заклинанием по рукам и ногам, и его рот так же был оплетен синеватой дымкой. То есть удара не было, они сковали его раньше.

— Да, когда выругался, — подтвердил мою догадку Норт.

— А бить мы не имеем права, — рассмеялся Дан, — тут два варианта — либо труп, либо никак. На данный момент второй вариант, но ты доведи Норта еще раз и поверь — будет уже просто труп.

Молчал только Эдвин, он стоял над Риком, расставив ноги и засунув руки в карманы брюк, и не сводил взгляда с парня. Холодного, злого взгляда.

— Не смей, — произнес Норт.

— Заслужил, — с убийственным спокойствием ответил Эдвин.

— Мозг активируй, — достаточно жестко приказал Дастел. — Изобьешь — вылетишь и из Некроса и соответственно с игр, а убивать идиота не за что. Пока не за что. Но если рыпнется еще раз — покормим нежить. Уходим, Эд.

Дан подхватил мою сумку, Норт попытался потянуть меня за собой, но едва осознал, что идти я не намерена, перекинул через плечо. Эдвин присел на корточки, что-то тихо сказал Рiku, после чего поднялся и пошел вслед за нами. А Рик упорно рвал заклятия, пытаюсь встать.

* * *

Дастел не захотел пойти обычным путем и, едва мы вышли из пятого склепа, шагнул к стене. Скрип открываемого прохода, недолгий путь по венам Некроса, и вскоре мы вышли во

втором мужском общежитии. Здесь меня милостиво поставили на пол, после чего, схватив за запястье, поволокли в комнату. Дан, перекинув сумку Эдвину, ушел к себе, мы в привычном, надоевшем до зубного скрежета составе, вошли в комнату Норта.

— Где ванная, помнишь? — холодно спросил глазастый. — Сходи, умойся.

Я скинула плащ и без возражений отправилась, куда приказали. Грустно, конечно, что нельзя было взять с собой инструменты, с другой стороны, и так справлюсь. И едва я оказалась одна, торопливо сняла кольцо, затем, ломая ногти, вытащила золотой шарик Тхен из оправы. Потому что артефакт должен работать, вот просто должен и все! А если не сработал, значит, соединение Амаэ и Тхен дает взаимоисключающий эффект. Такое бывает, особенно если составные части равны по силе.

Сжала золотой шарик, осмотрелась, ища, куда бы его спрятать, в итоге открыла ящичек с мылом, уронила Тхен туда и вот после этого старательно умылась, вытерлась, постояла, глядя на свое решительное лицо, бросила полотенце и вышла.

Норт оказался в комнате один. Куда он дел Эдвина, я не знала. Некромант поднял на меня взгляд, едва я вошла, затем указал на стул, который был максимально придвинут к сидящему Дастелу. Медленно подошла, села. Норт осторожно взял обе мои ладони, сжал своей рукой и, поглаживая мои пальцы, произнес, глядя куда-то в стену:

— Нам давно следовало поговорить, Риа. — Пауза, долгая, напряженная и продолжение. — Ты мне понравилась еще там, в лесу. Очень понравилась. Я же не подкатываю к каждой адептке, понимаешь? — Взгляд на меня, внимательный, испытующий, и вердикт вмиг севшим голосом: — Не веришь ни единому слову, я прав?

Просто отвернулась. Прав — не прав, какая разница? Для меня никакой. Я его внимания не искала и не хотела, я его не шантажировала и ни к чему не принуждала. Вообще.

— Риа, прости меня, — вдруг тихо произнес Норт. — Прости за то, что мы так плохо начали. Прости за ту попытку припугнуть тебя изнасилованием — по-дурацки вышло, мы этого не хотели. Прости за историю с шантажом и требование изготовить артефакт. Не нужен он мне, понимаешь, я просто хотел, чтобы ты была рядом. Прости за ситуацию с Риком, знаю, ты злишься, но поверь — мне титанических усилий стоило удержаться от убийства.

Недоверчиво взглянула на Дастела. Это все очень странно было, и вот извинений я точно не ждала. А Норт, глядя мне в глаза, подался вперед и прошептал:

— Прости, Риаллин, но в данный момент нет выбора, я должен тебя раздеть.

Голова закружилась стремительно. И неожиданно настолько, что я вцепилась в край стола, более ничего не успела сделать — тьма накатывала волнами, погружая в сон, которого я всеми силами старалась не допустить. Артефакт Сирилла, ох как же он мне сейчас был нужен, он бы защитил, он...

— Тшц, все хорошо, маленькая, все хорошо. — Сквозь патоку бессознательности я ощутила, как меня подхватывают на руки, несут в сторону кровати и затем укладывают, попутно тихо, почти грустно проговаривая: — Я ведь мог воспользоваться магией и принудить тебя с самого начала, Риа, с первого дня, с первой минуты, но ты была такая настоящая, живая, искренняя — и мне так хотелось настоящих искренних чувств. Так хотелось тебя, Риа! Всю тебя! Но неужели я настолько противен, что ты решила на этот проклятый Тьмой артефакт?! Зачем?! Я ведь не принуждал, не брал силой, не переходил черту! Так зачем же артефакт, Риа? Зачем?!

Да потому, что защитный браслет ты мне так и не вернул! Видимо, хорошо помнил, на

что он способен, вот и не стал возвращать после того, как Кульпянке прирастили руку и глаза.

Я глухо застонала, едва ладони некроманта скользнули вверх по моей ноге, снимая чулок, первый, затем второй, и, едва Дастел начал расшнуровывать платье, попыталась вцепиться в его ладони, чтобы остановить.

— Маленькая моя, — Норт перехватил мои ладони, поцеловал каждую, — неужели ты не видишь, не чувствуешь, что я жить без тебя не могу! Не могу, понимаешь? — Горячее дыхание обожгло мою шею, после прижались столь же обжигающие губы.

Норт горел — температура или просто страсть, я не знаю, но было почти больно. И даже не столько телу — сердце сжималось и от боли, и от обиды. А под сильными пальцами некроманта рвалась шнуровка платья.

Тьма накатывала все сильнее, унося куда-то в беспокойный омут, но я держалась из последних сил, надеясь на поцелуй. Всего один поцелуй — мне больше не нужно было. И я думала лишь об этом, когда Дастел стянул платье. И только об этом, когда вслед за платьем снял с меня и длинную, почти до пола, шерстяную рубашку, оставляя совершенно без одежды, а затем покрывая нежными поцелуями от колен до волос, уже не произнося ни слова.

А затем послышался звук открываемого шкафа, шелест ткани, и Норт надел на меня свою шелковую рубашку, которая мне чуть ли не до колен доставала. Еще раз поцеловал, едва касаясь, укрыл и тихо прошептал:

— Спи, маленькая.

Я не уснула. Смогла сопротивляться дурману и долго-долго лежала, прислушиваясь к тому, как Норт сидит за столом, выполняя задание за заданием. Потом пьет чай, вновь что-то записывая — перо скрипело. После закрыл учебники, разделся, сходил в душ. А вернувшись, погасив свет, лег рядом со мной, обнял и тоже долго не мог заснуть, уткнувшись носом в мои волосы и осторожно поглаживая мои пальцы.

И все же вскоре дыхание его стало ровным, рука отяжелела.

А я продолжала изо всех сил бороться со сном по одной-единственной причине — ждала Пауля.

Форточка скрипнула, когда ждать уже сил не оставалось, дуновение холодного ветра — и паучок застыл на моей груди. С трудом открыла глаза, одними губами прошептала:

— Браслет, на тебя похож.

На большее сил не было. Умертвие не подвело, и вскоре холодный металл сжал запястье. Дурман отступил мгновенно!

Никто не спорит, что амулет Кхелло гораздо слабее артефакта Сириллы, но воздействие у них сходное — ограждать от направленной на владельца магии. И не прошло трех минут, как я осторожно, стараясь не разбудить Норта, поднялась. Обняла прыгнувшего ко мне на руки Пауля, едва не разревелась, когда мохнатые лапки заботливо погладили по щеке. Но сейчас не до слез. Совсем.

Рубашку Норта я снимать не стала, надела платье поверх нее, следом остальную одежду и, забрав из ванной кругляшок Тхена, покинула комнату.

Спустившись по лестнице вниз, свернула в кладовую, открыла проход, шагнула в вены Некроса. По полупрозрачным проходам я бежала очень быстро, придерживая Пауля, который так за меня испугался, что теперь просто не отпускал.

Мы вбежали в пятый склеп, и судорожное рыдание я подавить не смогла — Рик лежал на полу, совершенно обессиленный. Он смог освободить руки, но не ноги и не плетение,

перекрывающее его рот. Подбежала, упала на колени, совершенно не заботясь о содранной при ударе коже, прикоснулась к синеве магического узора. Снимать было не сложно, при условии, что большинство формул нужно проговаривать вслух, но вот что мог сделать некромант, которому попросту рот заклеили?

Мне потребовалось не более пяти минут, чтобы освободить Рика, а после, когда он поднялся, мы просидели минут двадцать, приходя в себя.

— Как ты? — глухо спросил некромант.

— Кажется, поняла, почему не сработал артефакт, — прошептала я.

— Не целуй. — Рик неожиданно улыбнулся.

Я почему-то тоже улыбнулась и спросила:

— Почему это? В конце концов, нужно же действенность проверить.

Некромант усмехнулся, затем осторожно коснулся моих пальцев, стащил с меня артефакт Амаэ, поставил его на пол, а после неожиданно потянулся, поцеловал и тихо прошептал:

— Потому что я не хочу терять самое светлое, что есть в моей жизни.

Пауль, стоящий рядом, тихо издал: «Иии!» и, словно растаяв от нежности, плюхнулся на брюшко. А я смотрела на Рика и понимала, что улыбаюсь. Просто улыбаюсь. Но очень радостно, и в душе действительно светится что-то такое светлое.

Счастье, наверное.

Глава третья. Артефакт Амаэ

Я столкнулась с ним нос к носу, выбежав из женского общежития. Мой надоедливый поклонник, с букетом роз и очередной пафосной запиской о любви, раскинул объятия, радостно улыбаясь.

На миг остановившись, я откинула со лба прядь волос, закрывшую глаза, усмехнулась некроманту и предложила:

— Ко Тьме условности, перейдем сразу к поцелуям.

Парень застыл, удивленно хлопая ресницами, но было поздно — подавшись вперед, я обняла его одной рукой за шею и прижалась страстным поцелуем к его губам.

Артефакт Амаэ отозвался легким жжением, некромант дернулся, вырываясь, и, едва я прекратила посягательство, отпрянул от меня как от голодного умертвия. Замер, потрясенно вглядываясь. Любовное послание медленно выпало из его рук, розы так же полетели в снег, а затем, потеряв виски, парень тихо произнес:

— Да ты же страшная.

— Да! — радостно подтвердила я.

— И вообще не в моем вкусе, — продолжил адепт.

— Да! — О, Тьма, мне даже петть от счастья хочется.

— Слушай, я пошел, — решил некромант и, пошатываясь, удалился.

Раскинув руки и запрокинув голову назад, я стояла и молча, зато искренне и от всей души благодарила небо! Небо было прекрасно! Жизнь была прекрасна! Мир был чудесен! И самое главное — Рик меня любит! И петть хочется, в голос, на весь Некрос! И даже танцевать!

И не обращая совершенно никакого внимания на удивленные взгляды выходящих из общежития адептов, я весело спрыгнула с лестницы, скача со ступеньки на ступеньку, и радостно закричала: «Эдвин!», едва увидела идущего ко мне носатого.

Некромант остановился, удивленный таким радушным приемом, а я уже срывалась на бег, который закончился в его сильных объятиях. Да что там закончился! Эдвин подхватил меня, закружил и остановился, обнимая за бедра так, что я возвышалась над ним. Но следующим вопросом стало подозрительное:

— Риа, что с тобой?

— Весна! — радостно сообщила я.

— Какая весна? — переспросил суровый воин. — Зима в разгаре.

— Значит, разгар! — заключила потрясающе счастливая я и, обхватив лицо носатого ладонями, склонилась к его губам.

Он вздрогнул. Затем подался ко мне, яростно, жадно отвечая на поцелуй, и... замер!

И мне безумно захотелось на весь мир закричать, что я самый гениальный артефактор, но, сохраняя на лице совершеннейшую невинность, я тихо спросила:

— Эдвин, что-то не так?

Ничего не ответив, некромант позволил мне соскользнуть по его телу вниз, поставил меня на ноги, затем сделал шаг назад, задумчиво вглядываясь в мое лицо.

— Эдвин, — я, искушающе улыбаясь, шагнула к нему, — что же ты, зима же в разгаре.

Но носатый вновь отшатнулся, странно глядя на меня, затем хрипло произнес:

— Прости, малышка, что-то мне нехорошо.

Развернулся и торопливо направился обратно в мужское общежитие. Радостная, я раз

пять подпрыгнула, но, едва Эдвин остановился и недоуменно обернулся, сделала вид, что скорбно смотрю ему вслед. Очень скорбно. И носатый ушагал в два раза быстрее!

И вот едва он скрылся за поворотом, я вновь раскинула руки, воззрилась в небо и от всей души произнесла:

— Тьма, спасибо! Спасибо, спасибо, спасибо!

И с самой счастливой улыбкой поправила рюкзак, повернулась и... замерла.

Шагах в двадцати, заложив руки за спину и не сводя с меня очень недоброго взгляда, стоял лорд Гаэр-аш. Сердце разом ухнуло куда-то в Бездну, ладони похолодели, счастье вмиг улетучилось.

— В мой кабинет, — холодно приказал ректор.

Шагая вслед за главой Некроса, я отпинала все снежные глыбы, попадавшие под ногами, и все снежные заносы, которые еще не успела убрать нежить, служившая тут дворниками. Надо же было так глупо, так очевидно попасться. Я раз пять порывалась снять артефакт Амаэ, но проблема в том, что, отдав приказ, ректор очень внимательно посмотрел на мое кольцо. И в том, что запомнил, сомневаться не приходилось.

По коридору прошла как осужденная на казнь, в кабинет ректор пропустил меня первую, галантно открыв дверь. Стоило войти, как лорд Гаэр-аш приказал:

— Садитесь.

Медленно опустилась в кресло перед столом ректора, сняв рюкзак и прислонив его к занятой мной мебели. Сам ректор прошел, присел на край стола прямо передо мной, уперевшись руками в столешницу, и вперил в меня пристальный, подозрительный взгляд, под которым вмиг стало крайне неуютно.

Тишина длилась недолго, но атмосфера была очень напряженной, а затем лорд Гаэр-аш прямо спросил:

— Отворотный артефакт?

Я удивленно взглянула на него, но под суровым пристальным взглядом вновь опустила голову и прошептала:

— Да.

Пауза.

Затем холодное:

— Именно артефакт?

Опустив голову еще ниже, я прошептала:

— Да.

На этот раз паузы не было, сразу последовал вопрос:

— Для чего было изготавливать артефакт там, где можно было обойтись более слабым амулетом?

Мне показалось, что еще немного и я уткнусь носом в колени, а потому голову опускать ниже не стала, гордость не позволила, да и глупо было бы. С тяжелым вздохом тихо призналась ректору:

— Побоялась, что амулет не подействует. Артефакт надежнее. — А после уже увереннее добавила: — К тому же артефакт Амаэ не относится к запрещенным магическим предметам!

И осторожно посмотрела на ректора. Лорд Гаэр-аш все так же не мигая сжигал меня взглядом и, когда заговорил, продолжал пристально разглядывать.

— Все так, адептка, однако вы упускаете одну немаловажную деталь — артефакты могут изготавливать лишь артефакторы определенной специализации с завершённым

образованием и патентом на магическую деятельность!

Я побледнела.

— Вижу — осознали, — усмехнулся ректор.

Не просто осознала — перепугалась настолько, что едва дышала. Сейчас главе Некроса было достаточно вызвать одного из курсирующих на территории академии дознавателей, и меня не просто исключат — посадят. Но секунды летели, а лорд Гаэр-аш все так же пристально смотрел на меня, не порываясь звать кого бы то ни было.

Затем прозвучал вопрос:

— Артефакт действенный?

Угрюмо кивнула.

— Активация?

— Поцелуй, — выговорила с трудом.

В кабинете повисло молчание. Тишина была тяжелой, тревожной, мрачной.

А затем мне протянули руку. Взглянув на ладонь ректора, я перевела удивленный взгляд на него и слышала:

— Ну же, поднимайтесь, Риаллин.

Неуверенно встала, игнорируя протянутую руку, замерла, осознав, что теперь, когда я поднялась с кресла, оказалась недопустимо близко к лорду Гаэр-ашу, продолжающему сидеть на краю стола. Но менее всего в жизни я ожидала, что услышу злое:

— А теперь будьте так любезны, адептка Каро, избавить и меня от этой чрезмерной привязанности к вашей персоне.

От неожиданности я отпрянула назад и, несомненно, упала бы, не придержи меня мгновенно среагировавший ректор. И времени на размышления, ответ или не ответ, лорд Гаэр-аш мне не дал — миг, и, запрокинув мое лицо, он захватил в плен мои губы. Резко, жестко, почти зло, прорвавшись сквозь стиснутые зубы, проглотил и новую территорию, одним поцелуем заставив забыть о том, где я, кто я, что со мной...

Но прошла секунда, другая, и поцелуй прекратился, как и следовало ожидать.

Неожиданным оказалось другое — сжав меня в объятиях, лорд Гаэр-аш вдруг глухо простонал:

— Паршивый из вас артефактор, Риа. Никчемный, я бы даже сказал.

И сделав вид, будто совсем ничего не произошло, ректор отпустил меня, обошел стол, сел на свое место, придвинул ближайшую папку с документами.

А я, ошеломленная и потрясенная, стояла, не в силах понять, что происходит, почему и... как это понимать?

— Ваш артефакт, к моему искреннему сожалению, не действует на определенную категорию чувств, — не поднимая головы произнес лорд Гаэр-аш. — Советую снять его и не носить столь открыто. И да, — холодный взгляд на меня, — когда доработаете, будьте добры посетить мой кабинет. Свободны, адептка.

Медленно повернувшись, я подхватила рюкзак и на негнущихся ногах покинула кабинет ректора. Но едва взялась за дверную ручку, была остановлена вопросом:

— Кстати, для кого был изготовлен артефакт?

Сглотнув, я промолчала.

Лорд Гаэр-аш не стал дожидаться ответа и вынес предположение:

— Норт Дастел?

Вновь не ответила.

— Я понял. Идите.

Я не вышла — вылетела.

Закрыла дверь, промчалась по коридору, вбежала в туалет и только там, обессиленно привалившись к стене, постаралась забыть, просто забыть все, что только что произошло.

Потом встала, перемотала артефакт пластырем, чтобы не бросался в глаза дознавателям, а едва вышла, столкнулась с Дастелом.

Норт, сумрачный и раздраженный, шел по коридору, кажется, даже направляясь к ректору, но, увидев меня, мгновенно свернул с пути, подошел, остановился в двух шагах, глядя очень внимательно.

— Трупов, — нервно поздоровалась я.

Улыбка некроманта вышла какая-то странная, кривая даже, после чего Дастел спросил:

— Пристанешь с поцелуем?

Значит, Эдвин у него уже был. Что ж, вместо ответа я просто шагнула к Норту. Закрыв глаза, обвила его шею руками, поднялась на носочки и действительно пристала с поцелуем. Дастел не сопротивлялся и вообще даже не пошевелился и, когда я отпустила его, хрипло произнес:

— Да, отвращение действительно появляется.

Я молча стянула его фамильное помолвочное кольцо, вложила в его ладонь, заставила сжать пальцы, улыбнулась некроманту и скорее себе, чем ему, тихо сказала:

— Ну вот и все.

Норт молча смотрел на меня.

— Прости, — виновато улыбнулась, — но я не могу так больше. Все наши договоренности остаются в силе, артефакт я тебе все равно сделаю, и даже не один, а четыре. Защитные, точно такие же, как тот, что будет у принца Танаэша, это сложно, очень, но так я точно буду знать, что никто из вас не пострадает, тем более Эдвин собирается участвовать в связке с Гобби, так что я Харну вообще многим обязана. Как и вам с Даном — вы хорошая команда.

Некромант не произнес ни слова, продолжая все так же молча смотреть на меня.

— Я страшная, да? — и отошла на шаг, понимая, как неприятно ему сейчас находиться рядом.

— Разрывать помолвку — глупо, — сипло произнес Норт.

— Знаю, — отошла еще на шаг, чтобы ему стало легче. — Но если фиктивная помолвка меня устраивает, то твои попытки сделать ее настоящей — нет. Не знаю, что ты себе вообразил, но нет, Норт. И теперь, когда ты ко мне ничего не испытываешь, могу сказать прямо — я не из тех, кто будет прогибаться под обстоятельства. Никогда.

Уходила не оборачиваясь и не в силах прекратить улыбаться.

На сердце стало легко и спокойно, в душе царил весна, и предчувствие чего-то хорошего, светлого и доброго наполняло окружающий мир.

И мрачный заснеженный Некрос неожиданно представился прекрасным, полным света, цветов, солнца, волшебным, наподобие эльфийских замков в окружении цветущих садов. Таким сказочно-прекрасным, с высокими арками, светлыми окнами, золотыми шпилями башен...

Мир содрогнулся!

Не удержавшись, я упала на колени, застонала от боли, потому что кожу на ногах содрала еще вчера, когда Рика спасала, и все снова стало серым и мрачным вокруг, разве

шумным очень — из корпусов и аудиторий выбегали адепты и преподаватели.

Потом, вечером, на последней лекции профессор Керон расскажет, что землетрясение в этих местах случилось впервые за пятьсот лет, но я едва ли расслышу его слова, ведь все мои чувства будут сосредоточены на том, как Рик осторожно касается моих пальцев...

Глава четвертая. Нападение

Моя жизнь стала удивительной. И какой-то правильной. А еще очень-очень счастливой.

Счастливой настолько, что мне постоянно казалось — вот сейчас что-то случится, и я опять потеряю тех, кто мне дорог — Рика, Гобби, Пауля... и даже Норта, Эдвина и Дана. Кто бы мог подумать, но те, кто совершенно не устраивал меня в роли врагов или даже друзей, оказались на редкость замечательными соратниками, и, проводя с ними неизменные пять часов в день, я больше не тяготилась ни присутствием Норта, ни шутками Дана, ни собственническими замашками Эдвина. Все действительно изменилось — они стали относиться ко мне как к члену команды, я к ним фактически так же.

Но, несмотря на сложную учебу, тренировки, выматывающие настолько, что я едва на ногах держалась, и работу над защитными артефактами для команды Некроса, все мои мысли занимал Рик и только Рик.

Рик был на рассвете — когда, просыпаясь, я находила букет зимних цветов на подушке.

Рик ждал утром у женского общежития и улыбался так светло и радостно, стоило мне появиться на лестнице.

Рик проводил со мной все перерывы между лекциями, и, когда он был рядом, даже Керон не мог испортить мне настроения.

И после лекций мы сидели в столовой, здесь было светлее и гораздо теплее, чем в библиотеке, и делали уроки. Вместе. Потом приходил Норт, и я бежала переодеваться, чтобы с капитаном команды отправиться на полигон — после получения новых правил для Мертвых игр Дастел гонял нас нещадно, но никто не был против. Даже я. А уроки, которые я не успевала делать с Риком, мне помогал выполнять Норт.

Собственно как и сейчас.

Я трижды прочла «Боевой бросок «Взгляд змеи», но так и не поняла смысла. Удар змеи, бросок змеи, змеиный захват — все это мы учили, но указанного словосочетания я припомнить никак не могла.

Повернувшись, посмотрела на Дастела — некромант полулежал на кровати и внимательно читал статьи Эллерга по академической некромантии. На мой взгляд — тьма несусветная, я прочла семь строчек, после чего утратила нить рассуждений одного из светил мертвой науки, а вот Норт читал с явным интересом.

— Что? — спросил он, скорее почувствовав, чем заметив мой взгляд.

— Можешь объяснить? — попросила я.

Дастел закрыл трактат, не забыв положить закладку между страницами, легко поднялся с кровати, подошел, встал позади меня, наклонился, упираясь кулаками в стол, прочел предложение, на которое я указала.

— Что именно непонятно? — уточнил, едва прочитав.

Решив, что, может, я чего не заметила, перечитала. Все тот же «Боевой бросок «Взгляд змеи». Указала повторно на словосочетание.

— Магическая атака, направленная визуально, — произнес нечто маловразумительное Норт.

Запрокинув голову, недоуменно посмотрела на него.

— Ладно, вставай, — сдался капитан. — Покажу на примере.

Подав руку, помог подняться, отвел ближе к кровати, сам отошел на середину комнаты.

— Смотри, — взмах рукой, и стул, на котором я только что сидела, поднимается. — Это энергия, направленная движением.

Дастел опустил предмет мебели, повернулся ко мне, почему-то загадочно улыбнулся, засунул руки в карманы и продолжил:

— Управление движением — простейший вид боевой магии, но есть и более сложный уровень, используемый в первую очередь за счет своей непредсказуемости, и во вторую — движения нам не всегда доступны, Риа.

В следующее мгновение меня подняло в воздух! И я зависла в метре от пола, беспомощно болтая ногами.

Что потрясло — Норт даже не пошевелился, не изменил позы, стоял все так же расставив ноги и продолжая с улыбкой смотреть на меня.

— Взгляд змеи, значит? — сдавленно спросила, чувствуя себя крайне неудобно.

— Естественно нет, я не стал бы использовать на тебе удары подобной силы. — Он чуть склонил голову к плечу и продолжил: — Вы сейчас изучаете теорию, практику отрабатывают исключительно на последнем курсе, когда мозгов становится больше. Не дергайся, поймаю.

Норт шагнул ко мне и действительно поймал, едва странная сила швырнула на пол. Затем поставил на ноги, спросил:

— В порядке?

И едва я кивнула, вернулся на кровать, дочитывать умозаключения Эллерга. Я тоже вернулась за стол, села, приписала для себя на полях тетради «управление взглядом» и вернулась к чтению параграфа. Однако спустя несколько страниц, не оборачиваясь, спросила:

— Норт, а это сложно?

— Нет, — ответил некромант.

Обернулась, натолкнулась на внимательный взгляд Дастела и, решив не развивать тему, вновь вернулась к домашней работе. Однако проявив неожиданное великодушие, Норт сказал:

— Трое.

— Трое что? — не поняла я.

— Трое из всего потока боевиков в этом году освоили данный уровень некромантии. Из практиков столь высокого уровня не достигает практически никто. Остальные факультеты знают о визуальном управлении исключительно в теории. Еще вопросы?

Отрицательно покачала головой.

Дверь распахнулась, без стука вошел Дан, резким движением откинул волосы со лба, кивнул мне и спросил у Норты:

— Ты идешь?

Дастел почему-то указал взглядом на меня.

— Провести ее? — предложил некромант.

— Сегодня полнолуние, Дан, — холодно напомнил Норт.

— И? — не понял рыжий.

Неодобрительно усмехнувшись, Дастел произнес:

— И я страхую Рию.

Укоризненно взглянув на него, некромант напомнил:

— Так Рик же есть.

— Разве Рик целитель? — язвительно поинтересовался Норт.

— Да ладно, ничего с ней не случится, в прошлый раз же справилась! — возразил Дан. — Норт, да брось, мы уже путь проложили, таверна с обеда закрыта для посетителей, все ждут. Ну же!

Планы поразили даже меня — адепты-выпускники собирались выпить. Судя по степени приготовлений, выпить планировали много. А если учесть нервозность Дана — мероприятие давно готовилось.

— Норт, — я повернулась к Дастелу, — иди куда собирался, я поела, сил хватает, справлюсь.

Тяжело вздохнув, Норт и меня одарил крайне неодобрительным взглядом, после чего сообщил:

— Нет. — И добавил: — Ты делаешь артефакты для всей команды, следовательно, я, как капитан, обязан помочь. Вопрос закрыт.

Дан взвыл, схватившись за голову, а затем вдруг опустил руки, перевел шальной взгляд с меня на Норта и выпалил:

— Да возьми ты ее с собой!

Норт отложил талмуд, который принялся демонстративно читать, едва ответил мне, вскинул бровь, посмотрел на Дана.

— Серьезно, бери! — начал настаивать рыжий. — Риа для всех твоя невеста, так что это вполне пристойно. Полнолуние начнется через три часа, как раз успеем посидеть, выпить, а потом вы подниметесь наверх. Таверну для посещений закрыли, все верхние спальни абсолютно свободны, более того — не придется гасить откат при использовании света Луны. Ну! Я же дело говорю, согласись.

Норт не соглашался, Норт задумчиво постукивал пальцем по корешку книги.

— Да слушай же, — сам Дан никого не слушал, он снимал мой и Дастела плащи с вешалки, — никто же не обратит внимания, что вы уединитесь. Ну ушли и ушли — все люди взрослые, все поймут, тем более в курсе, где Риа ночует. Потом спуститесь, Норт, ты же наших знаешь, даже шуток не последует.

Больше не делая попыток возразить, Дастел просто посмотрел на меня. Я ответила решительное:

— Нет.

— Нет так нет, — не стал возражать Норт и вновь раскрыл книгу.

— Тьма-а-а! — взвыл Дан. — Ну, Риа, ну, ко всем умертвиям, ну раз в год же собираемся! Всего раз. Все наше тайное общество! Вот как там без Норта, а? Он же второй глава! Ну, Риа! Ну какой к демонам артефакт?!

Я даже отвечать не собиралась, впрочем, за меня ответил Дастел, сообщив рыжему:

— Важный, Дан. И ценный настолько, что изготовь его сертифицированный мастер-артефактор, вещь потянула бы по стоимости на твой родовой замок.

И рыжий заткнулся. Мгновенно. Переводя потрясенный взгляд с меня, на гору запрещенных книг, которые лично я не осмелилась бы принести в свою комнату, так что риск целиком и полностью был на Норте. Последний с усмешкой посмотрел на изумленное лицо Дана и спокойно поинтересовался:

— А ты полагал, что Риа ночами не спит просто так, в силу каприза?

— Нет, я решил, что ты продолжаешь ее шантажировать, — простодушно ответил Дан.

— Рию? — Норт расхохотался, затем устало покачал головой и тихо произнес: — Я поумнел.

Почему-то после этих слов я невольно улыбнулась и вернулась к домашней работе.

— Ыыы! — взвыл Дан.

Но не сдался. Неожиданно отшвырнув оба плаща, адепт подскочил ко мне, развернул вместе со стулом, опустился на одно колено, схватил меня за руку и самым торжественным голосом заявил:

— Риаллин, маленькая, клянусь, я лично принесу тебя обратно на руках! Я буду неотступно следить за твоей безопасностью, я в зубах стану таскать за тобой сумку! Я не выпью ни капли, пока не верну тебя в Некрос! Я... Ну пожалуйста, Риа, это же раз в год всего, а для нас так вообще последний раз! Ну, Риа, ну ради меня!

И мне стало неудобно ему отказывать. Совсем. Так что решила согласиться, но... но вот в комнате меня ждут Гобби и Пауль, и если вовремя не вернусь, они переживать будут. Да умертвия, да неживые, но переживать будут, как и я за них. Так что...

— Хорошо, Дан. — Я закрыла учебник.

— Да, я сделал это! — обрадовался рыжий.

Норт не спешил радоваться и, глядя на меня, спросил:

— Но?

Укоризненно глянув на него, я действительно начала с «но»:

— Но мне нужно сходить в комнату и взять рубашку.

Дастел улыбнулся, закрыл свою книгу и, поднявшись, направился к шкафу.

— Зачем тебе рубашка? — не понял Дан.

Я открыла было рот, чтобы ответить, но глядя в удивленные глаза некроманта, резко передумала просвещать некоторых по поводу особенностей создания артефактов.

— Чувствую, тут есть что-то интимное, — издевательски протянул рыжий.

— Рот закрой, — оборвал его Норт и, изучая полки с одеждой в своем шкафу, спросил: — Риа, тебе черную, белую, синюю, или под цвет твоих глаз — темно-зеленую?

Недоуменно взглянув на него, я поправила:

— У меня глаза карие.

— Когда как, — не поворачиваясь, задумчиво ответил Норт, — на свету темно-зеленые. Так значит, белую?

И, не дожидаясь моего ответа, некромант извлек из стопки одежды белую шелковую рубашку, швырнул на кровать, следом туда полетел тонкий черный шерстяной плед и почему-то белоснежная шелковая простынь. После чего Дастел через голову стянул рубашку, швырнул ее в корзину с грязным бельем и в полуголом состоянии глянул на меня, вопросительно выгнув бровь.

Я покраснела вмиг, почему-то чувствуя себя обвиненной в подглядывании, и отвернулась, так и не высказав Норту все, что я думаю по поводу предоставления мне его рубашки.

— Наверное, я пойду, — почему-то решил Дан. Не сдвинувшись при этом с места, напротив — смотрел на меня с самой издевательской ухмылочкой.

— Да я же не знала, что он разденется! — попыталась оправдаться перед рыжим.

Норт, пока я смущалась, надел традиционную для Некроса черную рубашку, подошел и, застегивая рукава, спросил:

— Никуда перед дорогой не хочешь?

— В свою комнату, — подскакивая, сообщила я.

— Зачем? — удивился Дастел. И, указав на мою сумку с артефакторским

инструментарием, притулившись в углу, напомнил: — Ты же уже все взяла.

Взяла, конечно, но предупредила Гобби, что вернусь к трем, как только с лунным ритуалом закончу, а тут этот поход в таверну, и гложут меня сомнения, что успеем с возвращением.

— Мне серьезно в комнату сбегать нужно, — произнесла я, глядя на Норта. Осмотрелась и даже повод придумался: — Учебники занести.

В черных глазах Дастела промелькнуло такое выражение, будто он сомневается в моей адекватности, после чего он сказал:

— Дан, стоняешь, отнесешь.

— Утром? — предположил рыжий.

— Сейчас, — припечатал Норт.

И вновь вернулся к шкафу, чтобы взять плащ. Дан пожал плечами, посмотрел на меня и сказал:

— Собирай, давай, свои учебники.

Я спорить не стала, быстро сложила все в ученический рюкзак и, пользуясь тем, что адепт отвернулся, быстро написала на листке: «Гобби, я сегодня задержусь. Ушли с ребятами в таверну». Записку сунула в дневник с расписанием, точно зная, что зомби его сразу откроет — расписание мне Гобби заполнял.

А когда Дан ушел, Норт осторожно переставил мою сумку на кровать, рядом разместил свою, вот в свою положил вещи, после чего окинул меня внимательным взглядом и вынес вердикт:

— Мой плащ возьмешь.

— Зачем? — удивилась я.

Дастел выразительно посмотрел в сторону моего старенького, потертого и не особо теплого плаща и с нажимом повторил:

— Возьмешь мой.

Полностью проигнорировав его слова, я направилась к вешалке и... мой плащ самым издевательским образом взмыл вверх и, зацепившись за балку, остался висеть на ней, в абсолютной для меня недосягаемости.

— Риа, — Норт подошел сзади, набросил мне на плечи свой тяжелый меховой плащ, от которого плечи разом ссутулились, — как твой целитель, я вправе принимать подобные решения. Согласись, нас обоих не обрадует необходимость лечить тебя перед ритуалом.

[Купить полную версию книги](#)